

СПЕЦВЫПУСК

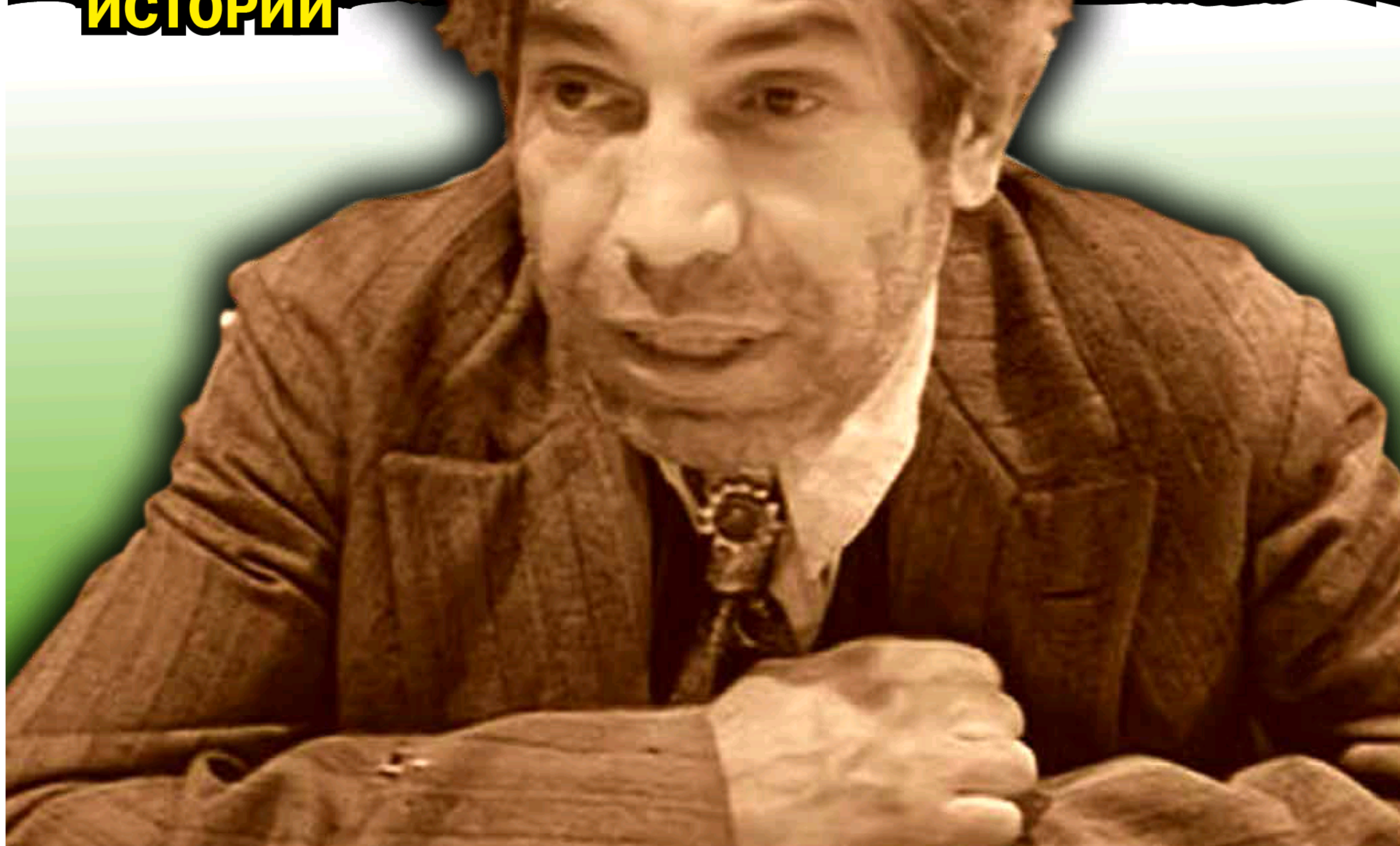
ИЮЛЬ/2019
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ
ИСТОРИИ

СОВЕРШЕННО СОВЕРШЕННО

№7 (160)

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ и другие эксперименты

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

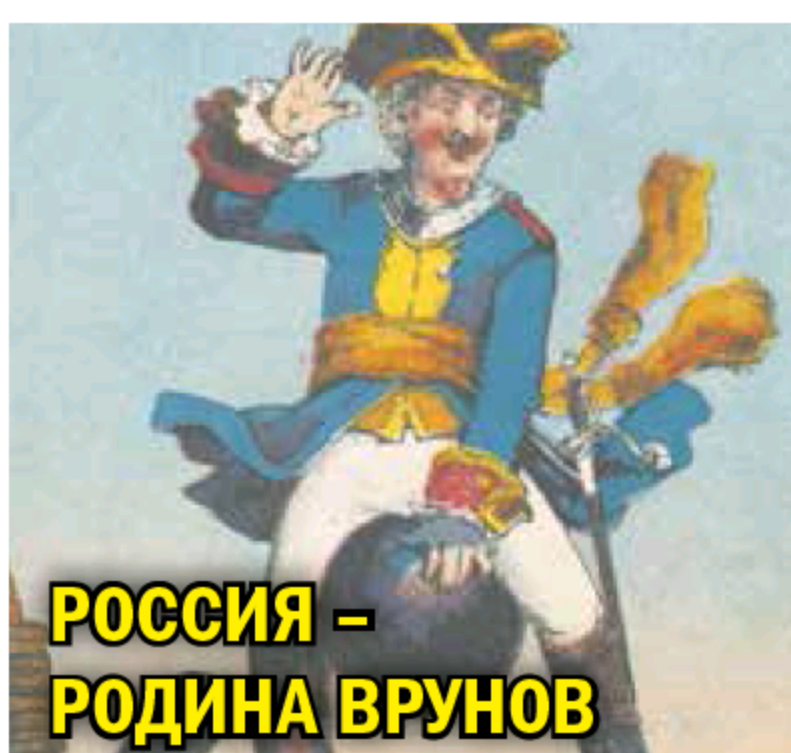
16

НЕИСТОВЫЙ ШЕВАЛЬЕ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

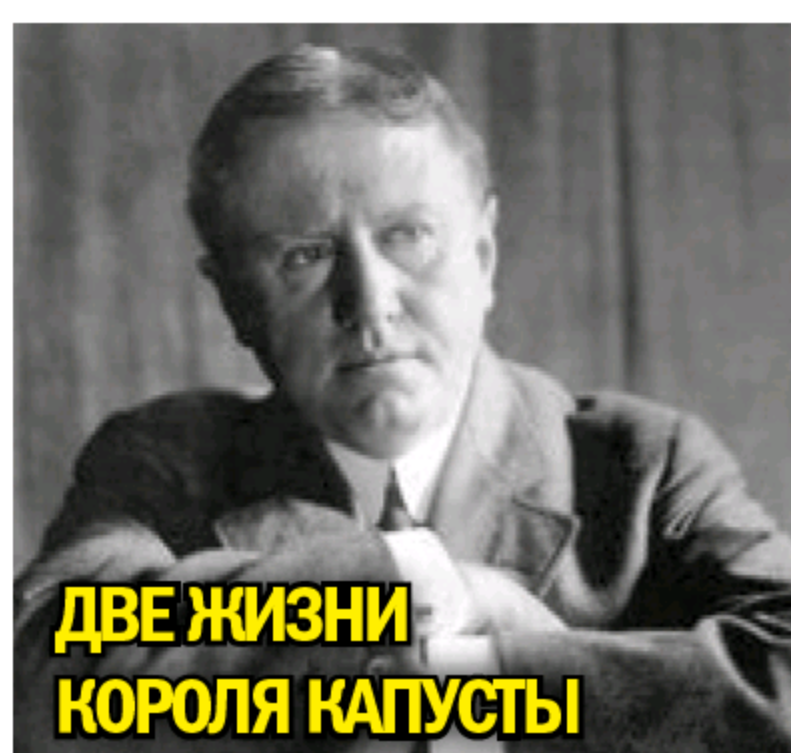
4

РОССИЯ –
РОДИНА ВРУНОВ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

13

ДВЕ ЖИЗНИ
КОРОЛЯ КАПУСТЫ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

7

ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО
ПИСАТЕЛЯ ГАШЕКА

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Да разве могло такое быть — пересаживать людям органы животных для омоложения, для создания более совершенной, так сказать, породы человека? Ну ладно прививать черенки растений по методу Мичурина, но чтобы такие опыты над людьми...

Однако наука в XIX веке опережала порой самую смелую фантастику. И Михаил Афанасьевич Булгаков, опытный врач с широким профессиональным кругозором, прекрасно знал о таких экспериментах. Кстати, они отразились в произведениях и других известных авторов.

«Секардин» — эликсир молодости

В 1817 году в британской колонии на острове Маврикий в американско-французской семье появился удивительный ребенок. Даже имя и фамилия у него были двойные, франко-саксонские: Шарль Эдуард Броун-Секар. Можно было поставить через запятую: гражданин мира.

Отец его, моряк, однажды не вернулся из плавания, и мать одна воспитывала сына. Шарль Эдуард усвоил в основном французскую культуру, хотя до конца своих дней говорил с заметным английским акцентом. Юношей он уехал в Париж учиться на врача. Последствием много езды по свету, работы в разных странах, но именно Франция оставалась его *alma mater*, а затем и родиной его славы.

В 1846 году молодой врач вернулся на остров Маврикий. Как раз в это время на острове вспыхнула эпидемия холеры, и Броун-Секар самоотверженно сражался за жизнь больных. Уже в эти годы он сочетал врачебную практику с научными исследованиями.

Затем он отправился на родину отца, в Соединенные Штаты, работал в ведущих госпиталях, преподавал в Гарвардском университете. Через несколько лет Броун-Секар переехал в Лондон, где несколько лет трудился в госпитале для паралитиков и эпилептиков. И всюду он проводил глубокие исследования, писал ученые труды, обогатившие медицинскую науку. Часто ученый ставил опыты на самом себе, хотя в печатных трудах ссылаясь на результаты анонимных пациентов.

Ему было уже за пятьдесят, когда он получил французское гражданство и с тех пор уже не покидал Францию. В 1869 году он стал профессором медицинского факультета, а еще через десять лет возглавил факультет экспериментальной физиологии в Коллеж де Франс. Там и проходили его смелые эксперименты по трансплантации тканей и органов животных. В 1886 году Броун-Секар был избран членом французской Академии наук.

К семидесяти годам профессор ощутил заметное снижение умственной и физической активности. А впереди еще столько работы, столько замыслов!.. Он вспомнил, что у животных пик активности совпадает с периодом полового созревания. Это наблюдение и послужило толчком к новой серии экспериментов. Причем в качестве «подопытного кролика» выступил сам ученый. Он делал насты из тканей, взятых из яичек молодых собак и морских свинок; эту жидкость ученый впрыскивал себе под кожу. Инъекции были чрезвычайно болезненны. Но вот боли утихли, и старик профессор ощутил, что к нему постепенно возвращается былая сила, острота ума,

Фантастический сюжет повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» основан на реальных событиях

повышается и сексуальный тонус.

1 июня 1889 года Шарль Эдуард Броун-Секар сделал доклад в Биологическом Обществе. Это была научная сенсация! Профессор сообщил коллегам о полученных результатах: приводил конкретные данные об увеличении мышечной массы, улучшении работы прямой кишки и мочеполовой системы, активности мозга. Коллеги стоя аплодировали ученому.

Доклад вскоре вышел брошюрой и стал широко известен. Старейшие богачи и знаменитости, особенно женского пола, завалили профессора мольбами: верните нам молодость! В целях финансового обеспечения дальнейших исследований Броун-Секар начал продавать экстракт для инъекций под названием «Секардин». Публика сразу окрестила препарат «эликсиром молодости».

В разгар ажиотажа вокруг «Секардина» его создатель с ужасом почувствовал, что его состояние ухудшается, наступает полный упадок сил, умственной и сексуальной активности. Процесс старения ускорился, светило медицины закатилось и угаšlo через пять лет.

Уже при жизни имя Броун-Секара обросло легендами. Рассказывали, что во время эпидемии холеры он ел экскременты инфицированных больных, чтобы на себе испытать симптомы наступления болезни; что он вводил свежую кровь в отсеченную голову казненного преступника, пытаясь ее оживить; что он пересадил собаке вторую голову, привил кошачий хвост петуху.. Неудивительно, что образ этого ученого-экспериментатора отразился в современной ему литературе. Например, поэт и писатель Вилье де Лиль-Адан изобразил Броун-Секара в новелле из цикла «Странные истории».

Впоследствии ученые выяснили, что вещество, извлеченное Броун-Секаром из яичек животных, не влияло на гормональную деятельность организма человека. А первоначальный эффект, испытанный стариком профессором и некоторыми пациентами, был следствием психологических причин, так называемого плацебо.

Эксперименты доктора Воронофф

Несмотря на это заблуждение Броун-Секара (сколько их знает история науки!) медики высоко ценили его труды. А для некоторых коллег конфуз с «эликсиром молодости» выглядел не как поражение, а как заманчивое направление для дальнейших исследований. Таким продолжателем оказался наш соотечественник, ставший знаменитым французским хирургом.

Самуил Абрамович Воронов родился в еврейской семье, в деревне под Воронежем, в 1886 году. В возрасте восемнадцати лет он эмигрировал во Францию и там стал именоваться Серж Воронофф (в русской печати его принято называть Сергеем Вороновым, не будем нарушать традиций).

Сергей Воронов учился на медицинском факультете, это был необыкновенно талантливый юноша, и с учителями ему тоже повезло — его наставником стал выдающийся биолог и хирург Алексис Каррель, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине. Благодаря своим учителям и собственным успехам Воронов получил французское гражданство.

Молодой хирург с большим интересом отнесся к экспериментам старшего коллеги Шарля Эдуарда Броун-Секара. Сергей Воронов впрыснул себе «Секардин», но не испытал заметного изменения состояния. Он понял, что препарат не содержит гормонов, омолаживающих организм и задерживающих старение. Но эта чрезвычайно заманчивая идея уже не оставляла его всю дальнейшую жизнь.

Вскоре Сергей Воронов получил весьма выгодное предложение — стать личным врачом вице-султана Египта. Четыре года он работал в этой стране и там неоднократно общался с евнухами. Изменения в организмах евнухов после кастрации чрезвычайно интересовали Воронова, он собрал уникальные данные по этой теме. Уже тогда он понял, что не инъекции, а лишь хирургическое вмешательство может привести к омоложению организма.

Вернувшись в Париж, Воронов начал серию экспериментов по трансплантации

тканей животных больным людям. Срезы с желез шимпанзе он пересаживал пациентам, страдающим заболеваниями щитовидной железы. Операции приносили заметный эффект. Этот метод оказался действенным и при лечении слабоумия. Имя Сергея Воронова прогремело и в России. Иллюстрированный еженедельник «Искры» писал в 1914 году:

«Сенсационное открытие. Во французской медицинской академии наш соотечественник, доктор Сергей Воронов, сделал сенсационное сообщение об операции, произведенной им в его клинике над 14-летним мальчиком-идиотом. С шестилетнего возраста умственное развитие этого мальчика остановилось, причем явно обозначались все признаки ненормальности и кретинизма: потухший взгляд, тупость и непонимание самых обыкновенных вещей. Воронов сделал этому мальчику прививку зубной железы обезьяны. Успех превзошел ожидания. У мальчика ожил взгляд, появились умственные способности, понятливость, любознательность. Доктор Воронов — бывший сотрудник Карреля».

Одновременно Воронов проводил эксперименты по омоложению на животных — овцах, козах и быках. Он пересаживал тонкие срезы с яичек молодых особей в мошонку старых животных, в результате они обретали энергию и прыть юных. Наконец дошла очередь до обезьян и людей. Рассказывают, что первые пересадки людям Воронов сделал для миллионеров, а яички он брал у казненных преступников. Понятно, этот «материал» был ограничен, поэтому основными «донорами» стали шимпанзе и бабуины. Первая официально зафиксированная операция по пересадке желез обезьяны человеку состоялась 12 июня 1920 года. А уже через три года Сергей Воронов сделал сенсационный доклад на международном конгрессе хирургов в Лондоне. Семьсот коллег аплодировали успехам Воронова. Его опубликованные работы, например «Омоложение прививанием», стали широко известны во всем мире, в том числе и в Советской России.

Уникальный метод доктора Воронова сделал его богатейшим медиком мира. Операции в его клиниках во Франции и в Алжире были поставлены на поток. Его клиентами стали миллионеры, политики, звезды сцены и экрана. Чтобы удовлетворить растущий спрос на пересадочный материал, ему пришлось завести собственный обезьяний питомник.

Воронов и сам вел жизнь богача и звезды: снимал первый этаж первоклассного отеля, содержал двух любовниц, большой штат прислуги, секретарей, охранников и шоферов. Впрочем, и его законные жены не жаловались на недостаток внимания со стороны супруга, но первые две умерли одна за другой, лишь третья пережила своего мужа.

Слава Воронова была немного «засалена», как говорили французы. Доктор не скрывал, что его операции ведут в том числе к бурной сексуальной активности, отсюда нездоровый ажиотаж вокруг его деятельности. Манипуляции с яичками стали темой множества анекдотов и эстрадных куплетов в Старом и в Новом Свете. Во Франции в эти годы вошла в моду пепельница, украшенная статуэткой обезьяны, прикрывающей лапами гениталии, и надпись: «Нет, Воронофф, меня не возьмешь!» С другой стороны, вдумчивые авторы высказывали опасения — ведь никто не знал, какие последствия ждут пациентов Воронова в будущем и каким будет их потомство.

В действительности эффект операций Воронова, как и инъекций Броун-Секара,

Создатель незабвенного сыщика
Шерлока Холмса писатель
Артур Конан Дойл

оказался непродолжительным. Впоследствии ученые установили, что вещество, содержащееся в яйцах, — это тестостерон, он оказывает лишь временное воздействие на организм человека. Научное сообщество отвернулось от Воронова, газеты, прославлявшие его эксперименты, теперь издевались над ним. На него возводили напраслину, например, уже в 1990-е годы высказывались предположения, что это он в ходе своих операций занес вирус СПИДа человеку. Только в последнее время медицина вновь признала заслуги Воронова в борьбе со старостью.

Загадка для Шерлока Холмса

Эксперименты Броун-Секара и Воронова нашли отражение в рассказе Артура Конан Дойла «Человек на четвереньках» — он был опубликован в периодике в начале 1920-х годов, а затем вошел в книгу «Архив Шерлока Холмса» — последний сборник о великом сыщике. «Человек на четвереньках» не совсем обычный рассказ этого цикла, его сюжет основан на фантастике. Поскольку он редко публиковался в России, кратко перескажу его содержание.

Молодой человек, ассистент пожилого ученого-физиолога, обратился к Шерлоку Холмсу, предчувствуя неминуемую беду. Поведение патрона стало необъяснимым: в старике проснулась пылкая страсть к юной девушке; периодически, через равные промежутки времени, им овладевали приступы агрессии; профессор получал загадочные письма и посылки от тщательно скрываемых адресатов; наконец, и собственная собака стала бросаться на него. Последнее заинтересовало сыщика: «...Отчего овчарка профессора Пресбери, верный пес по кличке Рой, норовит искушать хозяина?» (Заметим в скобках, что главные действующие лица этой истории, как и в «Собачьем сердце», — профессор, ассистент и собака.)

Тем временем события развивались стремительно — однажды ночью ассистент столкнулся в темном коридоре с профессором: «Он продвигался ползком, мис-тер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, низко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с легкостью».

Потом и дочь профессора видела ночью лицо отца за своим окном на третьем этаже: «Да, это было его лицо, прижавшееся к оконному стеклу: он глядел на меня, подняв руку, словно пытаясь открыть окно. Если бы ему это удалось, я, наверное, сошла бы с ума».

Сыщику и его верному компаньону доктору Ватсону удалось установить адресата, от которого профессор получал письма и загадочные снадобья.

«Холмс пробежал глазами надпись на бумажке и спрятал ее в карман».

— Дорак — занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это важное звено...»

(Может быть, это звено — Серж Воронофф?)

В конце концов тайна профессора Пресбери была открыта: старик принимал «...чудо-сыворотку, дарующую людям силу», содержащую гормоны обезьяны. Но она, наряду с явным омоложением, вела к озверению человека, если можно так выразиться. (В сущности, к подобному результату привел и эксперимент профессора Преображенского в «Собачьем сердце».)

В финале рассказа Шерлок Холмс обещает пресечь опасные опыты изобретателя «чудо-сыворотки». Но великий сыщик предвидит грядущие напасти: «...Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только вду-

Изобретатель чудо-эликсира «Секардин»
Шарль Эдуард Броун-Секар

майтесь, Ватсон: стяжатель, сластолюбец, фат — каждый из них захочет продлить свой никчемный век. И только человек одухотворенный устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же зловонной клоакой станет тогда наш бедный мир!»

Не об этом ли сокрушался и профессор Преображенский в финале «Собачьего сердца»:

«Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти ощупью и параллельно с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей!»

Да, опасения писателя Льюиса Стивенсона («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), Герберта Уэллса («Остров доктора Моро»), Артура Конан Дойла и Михаила Булгакова начинают сбываться. Сегодня человечество уже не может не подправлять самое себя: стволовыми клетками, «кремлевскими таблетками», анаболиками, пластической хирургией, генной инженерией. И кто знает, как это все аукнется в будущем?

***

Неизвестно, читал ли Михаил Булгаков рассказ «Человек на четвереньках», но писатель определенно знал об экспериментах Броун-Секара, Воронова и многих других. Они и послужили первоосновой сюжета.

А дальше... Дальше Булгаков-фантаст и Булгаков-сатирик пошли разными путями. И если первый следовал уже установившейся литературной традиции (Стивенсон, Уэллс и, возможно, Конан Дойл) и

Слева: Сергей Воронов и его ассистент оперируют собаку. Обложка парижского журнала Le Petit Journal за 22 октября 1922 года.
Вверху: Доктор Сергей Воронов в зените славы.

L'Homme qui rend la Jeunesse

Cette photographie unique a été prise dans un laboratoire dépendant du Collège de France. Elle montre le docteur Voronoff et son assistant expérimentant sur un chien âgé la méthode de rajeunissement qui fit la célébrité du savant praticien.

собственным успешным произведениям («Дьяволиада» и «Роковые яйца»), то второй, сатирик, совершил смелый прорыв в запретные для литературы того времени области. Судьба повести была решена уже при первом прочтении рукописи в кругу литераторов — там присутствовал агент ОГПУ, написавший подробный отзыв-донос. Произведение заклеили как контрреволюционное и запретили.

После долгожданной публикации «Собачьего сердца» в Советском Союзе в 1987 году симпатии читателей и зрителей окалились всецело на стороне профессора Преображенского.

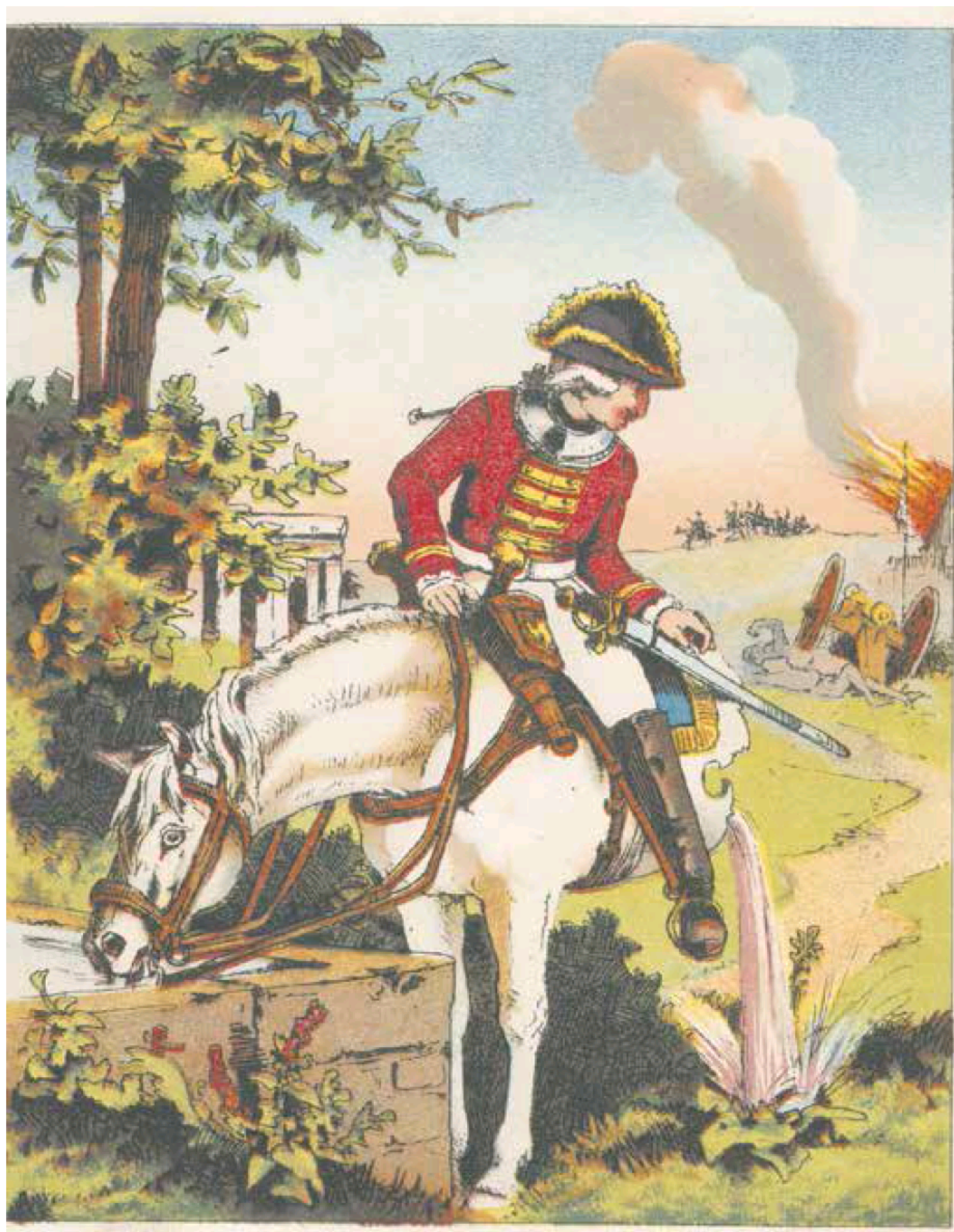
Возможно, через много лет утихнут политические страсти. История и литература перестанут быть полями идеологических битв. И мы прочтем наконец «Собачье сердце» полностью. В том числе финальный вывод Филиппа Филипповича Преображенского:

«Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? — спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар...»

РОССИЯ – РОДИНА

Русские «предки» и «потомки» знаменитого барона Мюнхгаузена

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Давно иду я рука об руку с этим Рыцарем Веселого Образа: проехал маршрутами Мюнхгаузена по Германии и России, познакомился с ныне здравствующими баронами фон Мюнхгаузен, в том числе с одной прекрасной баронессой и одной очаровательной баронессенкой. Со временем моя коллекция книг, портретов, иллюстраций и разных артефактов, вроде бешеной шубы, стала основой Музея барона Мюнхгаузена в Москве и виртуального музея в Интернете.

В Германии считают, что рассказы Мюнхгаузена основаны преимущественно на местных охотничьих байках. А я уверен, что вдохновение он черпал в России. В самом деле, в нашей стране случаются вещи такие невероятные, что порой кажется: у нас что ни выдумай, все может оказаться правдой!

Завиравшие истории Мюнхгаузена, если охарактеризовать их совсем кратко, — это веселое бескорыстное вранье с единственной целью развлечь слушателей, да и самому позабавиться.

В России всего в избытке, и самозабвенных врунов тоже. Тут у Мюнхгаузена нашлись не только последователи, но даже, возможно, предшественники.

С солдатской прямоотой

В России Мюнхгаузену везло на приключения — забавные и подчас довольно рискованные. И со временем он понял: жить в России опасно, но зато не только жить, но даже умирать здесь — интересно. Однажды на параде в Санкт-Петербурге у одного солдата случайно выстрелило ружье, причем не пулей, а шомполом — его тогда хранили в стволе; шомпол просвистел над ухом Мюнхгаузена. Вероятно, этот эпизод превратился позднее в рассказ Мюнхгаузена о том, как он подстрелил шомполом стаю куропаток, причем они не только нанизались, но даже поджарились на раскаленном шомполе, как на вертеле. История про бешеную шубу также имела реальную основу: в те годы императрица Анна Иоанновна боролась с разбойниками в окрестных лесах простым древнеславянским способом — выжигала леса дотла. Известно, что именно лесные пожары способствуют распространению бешенства среди животных, поэтому встреча с бешеной собакой на петербургской улице была тогда явлением нередким.

Но с настоящими русскими врунами Мюнхгаузен познакомился, уже когда оставил службу при дворе и поступил в армию. Допустим, сидел поручик фон Мюнхгаузен в своей палатке и слушал, как у костра русские солдаты травят байки. Иногда и латышские крестьяне, привозившие фураж в лагерь (полк стоял под Ригой),

принимали участие в состязании луговых весельчаков.

«Шел я лесом, смотрю, на елке вместо шишек бобы растут, — рассказывал латыш. — Посадил я один боб, а он начал расти по сажени в минуту, и скоро до облака дорос. Сел я на облако и давай по небу кататься...»

«Это что! — вступал солдат-кирасир. — Раз посадил я горошину, а гороховый стебель до Луны дотянулся. Залез я туда, хожу, серебряные камушки собираю. А как обратно попасть? Гороховый стебель-то засох. Насобирал я паутины, ее на Луне много, свил веревку и начал вниз спускаться. Высоко над землей веревка кончилась. А я, не будь дурак, вверх обрежу, вниз привяжу. Да тут ветер поднялся, раскачал меня и швырнул в болото. Сиж я в тряси-не по шею. На мое счастье утка свила на моей голове гнездо, я хвать ее за лапы, она взлетела и вытянула меня из болота!»

«А со мной такой был случай, — подхватывал другой кирасир. — Поехал я верхом на лошади в лес по дрова. А топор на поясе болтался, тук-тук, и перерубил лошадку пополам. Так я на передке три года ездил, потом гляжу — на одном дальнем лугу задок моей лошади пасется. Я взял ивовый прут и пришел задок к передку, и еще три года на той лошадке ездил!»

Мюнхгаузен слушал да мотал на ус. А потом, приехав в Германию, с успехом исполнял устные импровизации о своем путешествии на Луну по стеблю боба, о чудесном спасении из болота, о лошади,

разделенной надвое створками ворот...

Мюнхгаузен вернулся в Россию уже в качестве литературного героя еще при жизни своего создателя. И не случайно первые русские книги о его приключениях назывались в духе народных небывальщин: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Под таким названием книга о Мюнхгаузене выходила почти полвека, и авторы-составители прибавляли к рассказам Мюнхгаузена немало русских побасенок. Например, такую:

«Как-то я принес с охоты много дичи и, между прочим, мертвую лисицу. Мой псарь снял с нею шкуру и ушел. Через несколько минут я вошел зачем-то в кухню, смотрю: лисица-то жива, и что ж бы вы думали? Надевает себе преспокойно свою снятую шубу! Одна лапа в рукаве, а другая уж наготове...»

С этих пор у российских вралей появился литературный образец, их стали называть «русскими Мюнхгаузенами».

В правление Екатерины II прославился веселыми фантазиями князь Дмитрий Евсеевич Цицианов. Он был потомком грузинских князей, его предки и родственники верой и правдой служили русскому царю, добились чинов и поместий. Дмитрий Евсеевич вел жизнь праздную, а более всего любил блеснуть перед обществом остроумной историей. Современник писал: «Есть луны, которых совестно называть лунами: они своего рода поэты, и часто в них более воображения, нежели в

ВРУНОВ

присяжных поэтах. Возьмите, например, князя Цицианова». Вот несколько его рассказов.

«У нас в Грузии очень выгодно держать суконную фабрику, потому что нет надобности красить пряжу: овцы рождаются самых разных цветов. Ах, какая прелестная картина — овцы на склоне горы играют всеми цветами радуги!»

«В моей деревне одна баба разрешилась от бремени семилетним мальчиком. Вообразите, сей мальчуган, вместо того, чтобы заплакать, тотчас пробасил: мать, водки давай!»

«Однажды князь Потемкин хвалился своей шубой, легкой, как пух. А я ему сказал, что моя шуба еще легче. «Так доставь ее мне сейчас же!» — потребовал князь. Я поехал домой за шубой, возвращаюсь и вижу, что Потемкин стоит у окна, задумавшись. Я потихоньку накинул ему шубу на плечи. Тот через некоторое время оборачивается и спрашивает: «Где же твоя шуба?» — «У вас на плечах!» Представьте, как Потемкин был удивлен».

«В другой раз светлейший приказал мне доставить императрице в Царское Село горячий калач к утреннему кофею. Я вскочил на коня и поскакал с такой скоростью, что конец моей шпаги стучал по верстовым столбам, как по частоколу: та-та-та-та...»

Конечно, талантливый импровизатор должен уметь остроумно ответить недоверчивым слушателям. Как-то раз Цицианов говорил, что в Грузии процветает пчеловодство, потому что пчелы там размером с воробья, и они, мол, не жужжат, а щебечут как птицы. «А какие же у вас ульи?» — спросил один слушатель. «Ульи обыкновенные, как и в России», — простодушно ответил Дмитрий Евсеевич. «А как же туда влезают такие огромные пчелы?» Цицианов воскликнул: «Э! Ты думаешь везде, как у вас?! У нас в Грузии отговорок нету: хоть тресни, да полезай!»

Некоторые удачные шутки Цицианова впоследствии прилепились к другим известным персонам. Например, такая: князь приехал куда-то в сильный дождь. «Вы в карете?» — спросили его. «Нет, пешком». — «Как же вы не промокли?» — «О, я очень ловко пробираюсь между каплями». Этот анекдот в советское время рассказывали об А.И. Микояне, отличавшемся умением всегда выходить сухим из воды.

«Блестящий лгун» и другие

Есть у Пушкина несколько сатирических заметок в стиле пародийной «Детской книжки», и среди них коротенький рассказец «Маленький лжец»: «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок: он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он усакал из Полтавского сражения...»

Этот же персонаж упомянут в другом пушкинском наброске: «Криспин приезжает в губернию NB на ярмонку — его принимают за ambassadeur. Губернатор честный дурак. — Губернаторша с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь».

Вы, конечно, узнали сюжет «Ревизора», который Пушкин подарил Гоголю. Эту историю как раз и поведал «маленький лжец», он же Криспин, а на самом деле — Павел Петрович Свинын, личность во многом примечательная. Дипломат, путешественник, исследователь, литератор, издатель, коллекционер и... милый лжец. Ему было о чем рассказать, но он всегда приврал — и устно, и в своих сочинениях. Эту его слабость знали решительно все; кроме Пушкина, этот грех Свинына высмеяли поэт А.Е. Измайлов в басне «Лжец» и даже собственный зять — писатель и критик А.Ф. Писемский в книге очерков «Русские лгуны». Правда, Писемский вывел своего тестя под именем

«N...», но не признать его невозможно — Свинын собственной персоной. В начале очерка «Блестящий лгун» автор по-родственному защищает слабость своего героя: «Во лжи, как и во всяком другом творчестве, есть своего рода опьянение, нега, сладострастие; а то откуда же она берет этот огонь, который зажигает у человека глаза, щеки, поднимает его грудь, делает голос более звучным?...»

И вот гости собрались, все ждут рассказа господина N..., и он начинает не спеша. Описывает экзотические страны, в которых побывал, а когда вспоминает о местных красавицах, даже зажимается и целует кончики пальцев. Оказывается, по дороге в Тунис нашего отважного путешественника захватили в плен бедуины. Целых два года он провел в плену, пока его не выкупил александрийский консул — обменял пленника на... белого слона! Но и в плену господин N... не скукал — он

женился, притом временно. На вопрос дам: «Как же это — временно?!» — рассказчик мгновенно нашелся: «Довольно странный обряд их венчанья: если вы женитесь на полгода, вас обводят полкруга, на год — целый круг, на два — два круга...» (Господин N..., видимо, наивно полагал, что и в мусульманских странах новобрачных обводят вокруг аналоя!) При последних словах присутствовавший среди гостей профессор вскочил и выбежал вон. Дома он хлопнул три рюмки водки одну за другой и только после этого вступил с господином N... в бесконечный заочный спор...

Автору книги довелось будто бы присутствовать при соревновании двух лгунов — старого и молодого. Старик рассказывал, что купил на аукционе разобранный паркет — кучу дощечек. Искусный паркетчик собрал пол, и вышло изображение Бородинского сражения, притом с портретами всех генералов-героев. «Да

как же по генералам-то ходить и танцевать?» — усмехнулся молодой человек. «Очень неловко!» — согласился старик. «Я тоже купил на аукционе часы, — поведал в свою очередь молодой лгун. — Не простые, а с будильником, который не звонит, а зовет человеческим голосом мою маменьку: вставайте, мол, Клеопатра Григорьевна!...»

В книге Писемского представлены не только знатные господа, но и простые русские помещики из глубинки. Помещик Брыкин рассказывал, например, что ехал однажды в санях по зимнику, и тройка провалилась под лед. А кони продолжали бежать подо льдом и... вынесли сани через соседнюю полынь. При этом сани наполнились рыбой!

Сыновья этого помещика, братья Брыкины, ехали в повозке с горы, кони понесли. Братья не растерялись и стали руками удерживать передние колеса —

Любил приврать литератор Павел Свиньин. Эту его склонность высмеивали Пушкин, Измайлов и Писемский. Справа: Генерал граф В.И. Красинский – храбрый воин и, возможно, родоначальник «черного юмора» в России

один с правой стороны, другой с левой. Так и остановили повозку...

Известно, что охотники и рыбаки — природные Мюнхгаузены. Не отставали от них и военные. Вспомним, что многие приключения славного барона связаны с военной службой. Некоторые российские Мюнхгаузены также носили мундир и эполеты. Например, полковник Тобьев, старый служака «времен Очакова и покоренья Крыма». В его репертуаре тоже были рассказы о шубе, доставленной Потемкину, и о том, как полковник чудесным образом зачитился от дождя, но — в собственной, тобьевской интерпретации.

«Однажды князь Потемкин послал меня в Сибирь с наказом привезти сибирскую диковинку. Я полетел, как голубь, загнал сто лошадей, шесть троек положил на месте. Наконец, вернулся. Князь спрашивает: где же диковинка? Я разжимаю кулак — а на ладони соболя шуба!»

«Приехали мы с приятелем к театру. Дождь — стеной! Пока мой приятель шел от кареты к подъезду, промок насквозь. Я шел сзади. Слышит мой приятель свист позади — что такое? Входим. С него вода ручьем, а я сухой. Потому что я своей тростью, как шпагой, отпаривал все капли дождя, да-с!»

Хвастливыми рассказами прославился граф В.И. Красинский, действительно храбрый генерал, служивший Наполеону, затем Польше, наконец и России. Рассказывая о своих подвигах, он входил в раж и украшал повествование невероятными подробностями. Как-то раз он, забывшись, обратился к своему адъютанту за подтверждением. Адъютант оказался человеком остроумным, ответил в тон генералу: «Не могу знать, ваше превосходительство, ведь я был убит в самом начале сражения!»

Некоторые рассказы Красинского окрашены в довольно мрачные тона; я бы назвал его родоначальником «черного юмора» в России. «Две приятельницы ехали в каретах навстречу друг другу, — рассказывал Красинский. — Когда экипажи поравнялись, дамы узнали друг друга, и одна из них бросилась к окну, не заметив поднятого стекла, пробила лбом стекло, и... ее голова скатилась к подножке кареты ее подруги...»

Лучшие истории барона Мюнхгаузена сочетают в себе остроумную выдумку и розыгрыш. Мы всегда чувствуем присутствие рассказчика, он поначалу ублаживает нас правдоподобными деталями и вдруг «выстреливает» небывальщиной. И мы, хотя бы на миг, попадаемся на явную выдумку. И смеемся, так сказать, дважды: и над шуткой, и над собственной простотой.

В 1820-х годах в Санкт-Петербурге

существовал целый кружок молодых шутиков, дурачивших столичных зевак. Например, находят где-нибудь мертвецки пьяного, бросаются к нему с горестными воплями: «Ах, убили! Какое несчастье!» И тут же разносят по городу самые невероятные версии преступления. И вот уже на Петербургской стороне все знают, что известный миллионщик зарезан и ограблен — о ужас! — собственным племянником... А на Сенной толкуют, что это несчастный влюбленный свел счеты с жизнью из-за того, что отец его возлюбленной решил выдать ее за старика-графа. В доказательство этой версии шутики демонстрировали медальон с портретом девушки, который был зажат в окоченевшей руке несчастного... Когда же виновник переполоха приходил в себя в полицейском участке, смеялись все — и дурачившие, и одураченные. А пьяница возвращался в кабак, возле которого его и нашли.

Или, допустим, плывет по Фонтанке шляпа, унесенная ветром с головы какого-то ротозея. Шутики тут же принимаются за работу, и вот уже на всех мостах вниз по течению толпится народ. На Пантелеймоновском мосту рассказывают, что это шляпа чиновника, утопившегося с горя из-за того, что его обошли в чинах и наградах, в то время как его сослуживцы получили по «Станиславу»...

На Симеоновском мосту уверяли, что утопился молодой поэт, стихи которого жестокий издатель отказался печатать...

Не поэт, а купец, утверждали другие «знатоки»; он утопился оттого, что ему не достался богатый казенный подряд...

На Аничковом мосту говорили, что хотя шляпа мужская, но носила ее девушка. Она переделала в мужское платье, чтобы бежать с любовником, но ветер унес шляпу, длинные волосы выдали беглянку, и разгневанные родители вернули ее в дом и посадили под арест...

У Обуховского моста твердили, что шляпа привязана к руке англичанина, который на пари плывет под водой от самого Прачешного моста...

Наконец, у Измайловского моста возобладала фантастическая версия, что эта шляпа — волшебная, плавает вечно, но никому в руки не дается; и что один горожанин попытался ее выловить, упал в реку и камнем пошел на дно...

Одна проделка кружка весельчаков наделала особенно много шума и попала в газеты. Шутики распустили слух, что в Казанский собор привезут отпевать покойника с рогами и когтями. Сутра несметные толпы народа начали собираться к собору. Явилась полиция, высокие чины увещевали людей, чтобы расходились по домам, но

все без толку. Тогда вызвали пожарных с бочками и начали поливать толпу из труб... Мокрые и злые петербуржцы нехотя разошлись. Впоследствии в кофейнях знатоки обсуждали это событие и пришли к глубокомысленному выводу, что слух был пущен Аракчеевым, дабы отвлечь внимание общества от убийства его любовницы Настасьи Минкиной.

Байки из театрального склепа

Я очень люблю театр, причем, так сказать, со служебного входа: люблю актерские посиделки, байки и розыгрыши, когда артисты играют и дурачатся не для зрителя, а для самих себя, единственно из природной своей склонности к игре. Само собой, среди актеров всегда встречались настоящие Мюнхгаузенцы.

Известный трагик конца XIX века Николай Хрисанфович Рыбаков врал по всякому поводу, впрочем, и без повода тоже. Однажды в актерской компании он рассказывал: «Играл я в Нижнем, а через день должен был выступать в Казани. Как быть? И тут на Волге ледоход начался. Я взял в одну руку чемодан, в другую палку, ступил на льдину и понесся со страшной скоростью. Друг льдина треснула, я — прыг на соседнюю. Так с льдины на льдину — добрался до Казани на сутки раньше. Только жаль, ботинки замочил. Да вы спросите Васильева, он за мной увязался». Актер Васильев, действительно часто игравший с Рыбаковым, подтвердил: «Как же, помню. Только я не мог так ловко по льдинам прыгать. Ну, загримировался остроумом и поплыл сзади!»

Если кто-нибудь наминал Рыбакову его же анекдот, артист возмущался: «Ерунда! Врешь! Я никогда такой глупости не скажу... А вот, если хочешь, действительно интересный случай со мной был...» И загибал очередную байку. «Видел я плодородные земли такие, что воткнешь в землю палку — чрез год сосновый лес стоит!» Комик Глушковский при этих словах заметил: «А я знаю места, где от одной спички не лес вырастает, а сразу спичечная фабрика!»

Когда Рыбаков видел новый театр, он говорил: «Это что! Вот в Москве начали новый театр строить: вобьют сваю в землю, и прямо на нее вторую, третью... Сорок свай друг на дружку стоймя вбили. Вдруг — из Парижа телеграмма: «Вы что творите! Одна ваша свая у нас в летнем саду из земли высунулась!» Наши остановились, конечно, новой войны с французом не хотят. Посоветовали им: вы сваю облепите статуей...» Артиста спросили: «И вы эту сваю видали?» — «А как же, видал! Только с нашей стороны, когда ее в землю вбивали».

Редким остроумием и изобретательностью отличался актер Петр Степанович Степанов. Артист он был невысокого роста, внешне невидный человек, в быту застенчивый и нерешительный. Но он преобразался, когда начинал импровизировать. А если кто-то хотел его уличить во лжи, он выворачивался довольно ловко.

«Мюнхгаузенское начало» проснулось в Степанове вот при каких обстоятельствах. Один петербургский богач и меценат устроил званый вечер с роскошным угощением. После обеда все слушали вдохновенный рассказ полковника, воевавшего на Балканах, а Степанов скромненько сидел в уголку на краешке дивана. Полковник гремел, как полковая труба: «И вдруг вокруг засвистели пули. Смотрю, на меня летит целый отряд башибузуков. Что делать? Конь убит, вестовой убит. Я револьвер в одну руку, саблю в другую, спиной встал к дереву. Шесть пуль выпустил — шестерых уложил. Начал саблей махать. Вокруг меня гора трупов, а они все лезут. Чувствую, рука слабеет, удар неверен. Уже чую дыхание смерти... И вдруг — летит белый всадник на белом коне, в руке его меч. Налетел как вихрь на неверных, меч разит как молния! Я был спасен, бросился было к своему чудесному заступнику, но он исчез в одно мгновение... С тех пор я не знаю покоя, я все ищу этого светлого юношу: где он? Кто он?»

Полковник умолк, возведя очи к потолку. Наступила торжественная тишина. И вдруг поднялся Степанов и твердо произнес:

— Это был я!

Полковник его чуть не убил. Зато после этого случая Степанов сделался любимцем не только в актерской, но и в любой веселой компании.

Однажды у Степанова пропала любимица — дворняжка Волчок. Актер рассказывал: «Говорю кухарке: ты упустила Волчка, поди, ищи, и без собаки не вращайся, иначе прогону! Сам пошел в театр, отыграл спектакль, вернулся домой и лег спать. Утром проснулся, слышу — голоса. Моя Анфиса кого-то отчитывает. Подошел я тихонько, заглянул в кухню, а там стоит мой Волчок на задних лапах, а кухарка ему внушение делает: «Шельмец ты этакий! Из-за тебя меня барин чуть с места не прогнал. Где ты шатался?» А Волчок ей и говорит: «В Гавани был... Тут кто-то из слушателей заметил: «Это ты заврался, Петр Степанович, где это видано, чтоб собака говорила!» Рассказчик и сам спохватился, и пояснил: «Понятно, не по-нашему сказала, а по собачьи: гав-гав, все равно ясно, что в Гавани!»

Похождения бравого писателя Гашека

Сергей МАКЕЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Максим Горький не советовал писателям начинать произведение с прямой речи. Ярослав Гашек этого не знал и поэтому начал роман так:

— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка...

Неизбежным следствием этих слов стало вступление Йозефа Швейка в Первую мировую войну, а Ярослава Гашека — в мировую литературу.

Гашек не дописал «Похождения бравого солдата Швейка». Он никогда не перечитывал и не правил текст. Может быть, в этой недосказанности, в легкой небрежности — особая прелесть книги. Писатель прервал диктовку романа тоже на прямой речи — речи подпоручика Дуба, исполненной имперского идиотизма:

— Патриотизм, верность долгу, самосовершенствование — вот настоящее оружие на войне. Напоминаю вам об этом именно сегодня, когда наши войска в непродолжительном времени перейдут через границы...

Из-за смерти автора Швейк так и не переступил границы Австро-Венгрии. Это его создатель забрался в глубь России — до Иркутска.

Банкира из него не вышло

Гашеки издавна крестьянствовали в Южной Чехии. Отец писателя, Йозеф Гашек, первым из всей родни выучился и стал преподавателем в пражской гимназии. Ему было уже за тридцать, когда у пани Катаржины Гашековой родился первый сын, Богуслав. А через три года, 30 апреля 1883 года, появился на свет Ярослав Гашек. С ними жила еще и племянница-сирота. Семья едва сводила концы с концами. Гашек-отец начал пить и умер, не дожив до пятидесяти лет.

Ярославу было тогда тринадцать. Начались скитания по квартирам, пришла настоящая нужда. В гимназии он был поначалу на хорошем счету, но постепенно утрачивал интерес к учебе. В 1898 году Ярослав бросил гимназию, некоторое время работал в аптеке и в магазине. А потом поступил в коммерческое училище, где в 1902 году завершил свое образование.

Летом 1900 года во время каникул Ярослав впервые отправился в путешествие по Чехии и Словакии. Уже во время первого путешествия он познакомился со словацкими будителями — так называли чешских и словацких патриотов-просветителей. Особенно запомнилась Гашеку встреча с доктором Душаном Маковицким, позднее ставшим личным врачом Льва Толстого. С тех пор «охота к переменам» стала частью натуры и образа жизни Гашека — он часто срывался с места и пускался в странствия. Когда у него заканчивались деньги, столичный путешественник превращался в форменного бродягу. Местные жители никогда не отказывали веселому и общительному парню в еде и ночлеге, но случалось и в стогу сена ночевать.

После окончания коммерческого училища Ярослав получил место служащего в столичном банке «Славия». Все было хорошо, но «дух бродяжий» не давал покоя. Однажды Гашек встретился с другом и вдохновенно рассказывал ему о последнем путешествии. Вдруг запрокинул голову, посмотрел на небо и звезды и сказал: «Сегодня я получил за сверхуроч-

ные, деньги у меня есть, махну-ка ночью в Словакию!» И действительно уехал. Следовали гневные послания из банка, Гашека разыскивали, он, вернувшись, каялся и... снова исчезал. Рассказывают, будто ездил в Африку помогать бурам в борьбе с англичанами, как Капитан Сорви-голова, а перед этим устроил в банке сбор пожертвований и исчез, оставив лаконичную записку: «Бастую!» Это, конечно, одна из легенд, окружающих имя Гашека, но легенда правдоподобная. Ведь отправился же он на самом деле на Балканы волонтером — помогать восставшим против Турции македонцам и болгарам.

Итогом странствий Гашека стали его путевые очерки, фельетоны и юморески, публиковавшиеся в различных журналах. В эту пору Гашек шокировал добропорядочных пражан грубыми манерами и речью, пристрастился к сливовице и много курил. В застольных беседах он рассказывал невероятные истории о своих похождениях. Он сочинял свою жизнь, мистифицировал публику и сам пребывал в каком-то пограничье между реальностью и вымыслом.

Образом жизни Гашека стали и странствия по «ближнему кругу» — миру пражских кофеен, трактиров, пивных и винных погребков, от центра «золотой Праги» до нищих окраин. Каждое заведение имело свою «физиономию» — напитки, блюда, круг посетителей. В пивных, например, подавался только один сорт пива, считалось, что кабатчик не может

гарантировать высокое качество нескольких сортов. Большинство заведений работали и ночью. Недаром Швейк потом говорил: «Я раз за одну ночь побывал в двадцати восемью местах, но, к чести моей, нигде больше трех кружек пива не пил». В этих своих скитаниях Гашек заглядывал и глубже — в мир пражских притонов и ночлежек, где собирались бродяги, воры и проститутки.

С тех пор имя Гашека замелькало в полицейских протоколах: «вышеозначенный в нетрезвом состоянии справлял малую нужду перед зданием полицейского управления»; «в состоянии легкого алкогольного опьянения повредил две железные загородки»; «недалеко от полицейского участка зажег три уличных фонаря, которые уже были погашены»; «стрелял из детского пугача»... Дело обычно оканчивалось кутузкой до утра и штрафом. Но взыскать штраф с Гашека было практически невозможно: даже если полиции удавалось обнаружить место жительства бродяги, то уж денег или имущества у него не было никогда.

Анархия — мать таланта

В период русско-японской войны и первой русской революции 1905 года стихийная оппозиционность Гашека приняла более радикальную форму — он стал анархистом. В Чехии именно анархисты заняли в революционном движении позиции на левом фланге, которые в России занимали большевики. Гашек

начал сотрудничать в анархистских журналах, отращивал усы и отпустил длинные волосы, носил черную сербскую папаху и дымил огромной изогнутой трубкой. Анархисты принимали участие во всех митингах и демонстрациях и вели себя весьма буйно. Надо заметить, что анархизм по-чешски был все-таки довольно миролюбивым, не запятнал себя ни бомбами, ни «эксами». Драка с полицейскими уже была отчаянным подвигом. Во время одного митинга, как свидетельствует полицейский протокол, Гашек закричал: «Бей!» — и огрел полицейского палкой по голове. На допросе он утверждал, что кричал не «бей!», а «гей!» и что бил не он, а кто-то другой, скрывшийся в толпе. Но отбиться не удалось, и он отсидел месяц в тюрьме. И если уголовная полиция смотрела на его «подвиги» снисходительно, то политический сыск с тех пор не выпускал его из виду, досье на Гашека пухло всю его жизнь.

Одновременно с «хождением в революцию» Гашек затеял такую мистификацию: вместе с друзьями придумал несуществующую «Партию умеренного прогресса в рамках закона». Гашек начал описывать историю этой партии, сочинил «апостольское хождение трех членов партии умеренного прогресса» в Вену и Триест (на самом деле это была обычная поездка автора, художника Кубина и артиста Вагнера). Пустячные события превращались в «деяния», исполненные глубокого общественного значения. Партия-призрак в представлении наи-

Йозеф Лада, первый иллюстратор романа Гашека, был не единственным. К книге «Бравый солдат Швейк в плену» делал рисунки Евгений Водерников

вной публики представлялась такой же реальной, как, например, социал-демократическая.

В это же время он сблизился с Ярми-лой Майеровой, умной, интеллигентной девушкой из довольно состоятельной семьи. Семья Ярмилы, естественно, была настроена против Гашека. Молодые люди встречались тайно. Однажды во время загородной прогулки Ярмила вывихнула ногу, и Гашек нес ее на руках несколько километров до железнодорожной станции. Родители Ярмилы начали было смягчаться, но... Во время анархистской демонстрации Гашек был арестован, об этом написали в газетах, и любовь опять надолго перешла в эпистолярный жанр. В конце концов, отец девушки предъявил Гашеку условия: порвать с анархистами и найти постоянную службу.

Чего не делает любовь! Гашек ушел из редакции анархистского журнала и начал искать место в редакциях порядочных изданий. Наконец, счастье улыбнулось бедняге, он начал работать помощником редактора в журнале «Мир животных» — его издавал владелец собачьего питомника. Из этой редакции Гашек вынес глубокое знание «собачьей темы», благодаря чему Швейк стал торговцем краденными собаками, а другой персонаж романа, вольноопределяющийся Марек, стал редактором журнала о животных. Гашек привнес в журнал много свежих идей, но, конечно, не мог удержаться от озорных фантазий, чего стоит хотя бы сообщение об «открытии» неизвестного доселе древнего ящера под названием «идиотозавр!» Собственно, за эти выдумки его вскоре и вышибли из редакции.

Наконец, сопротивление пана Майера было сломлено, и 15 мая 1910 года Ярмила стала-таки пани Гашковой.

Пробуждение идиотозавров

Внешне Гашек вел легкомысленный образ жизни. И только самые близкие люди могли заметить, как он порой впадает в меланхолию, как сам «вытаскивает» себя из уныния какой-нибудь шутовской выходкой. Беззаботность не была его врожденной чертой, Гашеку были свойственны застенчивость, чуткость и замкнутость. Таким людям трудно живется на свете, они ищут какой-то защиты, опоры и часто находят ее в многолюдных компаниях, в скитаниях, в кутежах и беспутстве.

После изгнания из «Мира животных» Гашек решил сам торговать собаками и открыл «Кинологический институт». Его помощником был настоящий плут по фамилии Чижек, он мастерски перекрашивал собак и вообще придавал им какой угодно облик. Эти проделки отразились в юмореске «Как я торговал собаками» и на многих страницах «Швейка». В конце концов, обманутые покупатели обратились в суд. К несчастью, совладелицей предприятия была и Ярмила, так что перед судом предстала семейная пара Гашеков. Только по счастливой случайности суд второй инстанции не нашел достаточных доказательств вины супругов.

Но к тому времени брак Гашеков практически распался. Беда в том, что Гашек не был создан для семейной жизни, удерживать его дома никто бы не смог. У большого таланта, у национального гения совершенно другие масштабы, для него семья — вся Чехословакия, а может быть, и шире — человечество. Так и чувство ответственности у него избирательное — Гашек часто подводил близких людей, случалось, и предавал.

Ярмила была в отчаянии, ее родители настояли на ее возвращении домой. Гашек тоже мучился. 10 февраля газета «Ческе слово» сообщила: «Этой ночью собирався прыгнуть с парашюта Карлова моста во Влтаву 30-летний Ярослав Г. Театральный парикмахер Эдуард Бройер удержал его. Полицейский врач обнаружил сильный невроз. Вышеназванный был доставлен в Институт для душевно-

Пять лет прожил Ярослав Гашек в России — воевал, писал фельетоны, работал в красноармейской газете. Вверху: Гашек (в первом ряду третий справа) среди работников политотдела 5-й армии, где он руководил иностранной секцией

больных». Гашек сначала признавался в попытке самоубийства: «хотел утопиться, ибо ему опротивел свет», — гласит протокол. Но уже в сумасшедшем доме объяснял, что «посетил множество питейных заведений», что «хотел поугубить прохожих и посмотреть, как они будут реагировать». Что это было? Настоящий акт отчаяния или новая мистификация, инсценировка, исполненная Гашеком с целью вернуть себе Ярмилу? Во всяком случае, она действительно вернулась, но ненадолго. Так они сходились и расходились несколько раз, под конец встречались тайно, как до свадьбы. Так и сына зачали. А потом расстались окончательно и навсегда.

Европа уже дышала войной. Идиотозавры пробудились и требовали крови. В Германии и Австро-Венгрии шли грандиозные военные приготовления. В условиях милитаристского угара у Гашека родился замысел цикла сатирических рассказов «Идиот на действительной службе», в котором впервые появляется Швейк. Этот сюжет Гашек записал на клочке бумаги где-то в кафе. Наутро долго искал набросок и очень обрадовался, когда нашел его в корзине для бумаг. Кроме названия, можно было разобрать единственную фразу: «Он сам потребовал, чтобы его осмотрели и убедились, какой из него исправный солдат».

Незадолго до этого Гашек зашел в трактир «У чаши», в котором начинается действие романа (на самом деле это был скорее ресторан, притом с «номерами» с барышнями наверху). Здесь Гашек слушал рассказы ветеранов, воевавших в Боснии и Герцеговине. И тут он встретил давнего знакомого — пана Швейка, служившего дворником в этом же доме. Швейк пригласил Гашека к себе, отлично угостил и рассказал множество забавных историй.

Так появились сюжеты и герой. Рассказы из этого цикла печатались в разных журналах, а полностью были опубликованы в книжке «Бравый солдат Швейк и другие рассказы» в 1912 году. Довоенный Швейк не во всем похож на Швейка из романа, он пока еще действительно туповатый простак и напоминает Ивана-дурака из русских сказок. Лукавым мудрецом и ловким плутом Швейк станет уже после войны. А пока он попадает в разные переделки по недоразумению. Ему говорят: купи церковного вина из Австрии — так он, вместо ближайшей винной лавки, едет за вином в саму Австрию.

28 июня 1914 года в Сараеве был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Фердинанд. Стрелял в него сербский студент Гаврило Принцип. В ответ Австрия

и Германия объявили войну Сербии. Сразу вмешались другие европейские державы, и началась Первая мировая война.

В роли Швейка

В ноябре, когда русские войска прорвали фронт в Галиции, Ярослав Гашек решил испытать бдительность австрийской контрразведки. Вселяясь «в нумера», он записал в регистрационной книге: «Ярослав Гашек, купец, родился в Киеве, приехал из Москвы». В ту же ночь он был арестован, его личность и биографию устанавливали почти неделю. После чего он был отправлен домой и... тут же призван в армию.

Гашек валял дурака и в призывной комиссии, и с друзьями. Так же вел он себя на прощальной вечеринке в трактире «На Насесте». Пил только содовую, но почему-то захмелел и затянул солдатскую песню. А к полуночи заявил, что «всех перестреляет и пешком отправится в Будейовицы», в распоряжение своего полка. Потом выяснилось, что официант оставил для Гашека бутылку сливовицы в коридоре на пути к уборной.

Утром Гашек выехал в Чешские Будейовицы. Он явился в полк в военной форме, но в цилиндре, потому что армия испытывала недостаток в обмундировании. Поступил в школу вольноопределяющихся для подготовки младших офицеров, отсюда его исключили за нарушения дисциплины. Часть пути на фронт Гашек проделал в арестантском вагоне: его обвинили в попытке дезертировать и присудили три года тюрьмы с отбыванием срока после войны. Но вот он, наконец, оказался в 11-й роте 3-го батальона 91-го полка. Здесь он познакомился с офицерами и нижними чинами, которые впоследствии стали героями его романа. Батальоном действительно командовал капитан Сан-длер, ротой — обер-лейтенант Лукаш, одним из взводов — кадет Биглер. Только поручика по фамилии Дуб не было, на самом деле этого злобно-го тупицу звали Мехалек, и он действительно любил грозить солдатам: «Вы меня не знаете, но когда вы меня узнаете, то заплачете». Реальным человеком оказался и военный священник — фельдкурт Эйбл (в романе его зовут Ибл). Канцелярией на самом деле заведовал старший писарь Ванек.

Но больше всех сдружился писатель с ординарцем обер-лейтенанта Лукаша — Франтишеком Страшлипка. Этот голубоглазый паренек был большой шутник, на любой случай у него была готова какая-нибудь забавная история. «Знавал я одного...» — начинал он, и все махали на него руками, мол, достал уже своими байками! Индивидуальные черты характера Страшлипка обогатили образ довоенного Швейка неиссякаемой говорливостью, народным юмором и лукавством.

И все-таки веселой войны не бывает. Уже в тылу проявлялись ее прелести: болезни, вши, эшелоны с ранеными, гро-

бы. Даже смех на войне злоеущий. Вот по перрону офицер тащит на веревке православного священника, дергает за веревку, священник падает. Все смеются. Как не похоже это ржание на добродушный смех, звучавший в пражских пивных! Писатель старался не поддаваться унынию, поддерживал друзей забавными рассказами. Но никто не видел, как он, уединившись, писал письма и стихи своей Ярмиле. Писал и не отсылал. Эти письма и стихи попали к ней только после смерти Гашека.

Его назначили погонщиком скота, потом квартирмейстером, затем ординарцем и связным взвода. В июле 1915 года третий батальон оказался на передовой в районе Соколя. Русские непрерывно атаковали. За неделю боев рота обер-лейтенанта Лукаша потеряла больше половины солдат. Уцелевших отправили в резерв. Там Гашека произвели в ефрейторы и даже представили к награде серебряной медалью за

мужество, обещали снять наказание за дезертирство. Отличился Гашек так: группа русских то ли попала в окружение, то ли они сами пришли сдаваться, а поскольку Гашек хорошо говорил по-русски, он и условился с русским офицером, мобилизованным учителем из Петербурга, об условиях сдачи. Когда Гашек во главе группы русских солдат подошел к штабу, командир полка майор Венцель решил, что русские прорвали фронт, и пустился наутек, за ним и все штабные.

Гораздо чаще бежали к русским чехи и словаки, не желавшие воевать за австрийского императора против братьев-славян. Планы сдать в плен, не таясь, обсуждали в эшелонах, идущих на фронт. А на передовой дожидались только удобного случая.

После недолгого отдыха в резерве 3-й батальон снова выдвинулся на передовые позиции. 24 сентября русские пошли в наступление как раз на участке 91-го полка. Обер-лейтенант Лукаш приказал своему взводу отступить. Обернувшись, он увидел, как Гашек и Страшлипка нехотя вылезают из окопа, на ходу обуваясь и заправляя обмотки...

В тот день полк потерял 135 человек убитыми, 285 ранеными и 509 (!) пропали без вести. Среди последних — ефрейтор Гашек и ординарец Страшлипка.

Во глубине сибирских руд

В «Швейке» Гашек писал о чешских перебежчиках: «...встречаясь в Киеве и других местах, на вопрос: «Чем ты здесь занимаешься?» — весело отвечали: «Я предал государя императора».

На самом деле не так уж весело было чехам на русской стороне. Многие прошли через лагерь за колючей проволокой, где содержались также немцы и австрийцы. Конечно, захваченные в плен с оружием в руках оставались здесь надолго, сдавшиеся добровольно — временно. Но русское «временно» — понятие растяжимое.

Гашек «застрял» в лагере под Бузулуком, где содержалось 18 тысяч военнопленных. Зимой 1915 года здесь началась эпидемия тифа, две трети заключенных погибли. Заболел и Гашек, но чудом выжил. Вскоре лагерь перешел в ведение русского Красного Креста, а положение пленных улучшилось. И потом в лагере появились чешские офицеры, предлагавшие соотечественникам вступать в войско, которое будет воевать на стороне России против Австро-Венгрии. Многие соглашались, для них это была борьба за свободу, независимую Чехию. Такой выбор сделал и Гашек. Гашек горячо агитировал своих соотечественников на собраниях и митингах, а затем переехал в Киев и начал работать в редакции журнала «Чехослован» («Чешский славянин»). Там был напечатан и фельетон Гашека «Рассказ о портере Франца-Иосифа I», который затем нашел отражение в первой главе «Швейка» — владелец трактира «У чаши» был арестован за государственную изме-

ну, суть которой тайный агент объяснил так: «...вы сказали, будто на государя императора гадили мухи». Между прочим, этот фельетон был замечен в Австрии, и его автору заочно предъявили обвинение в государственной измене.

Воевал Гашек не только пером, но и винтовкой. Весной 1917 года, уже при Временном правительстве, чешский полк имени Яна Гуса, в котором служил Ярослав Гашек, нанес поражение хорошо вооруженным немецким и австрийским частям. Гашек был награжден георгиевским крестом четвертой степени. Но это наступление, на котором настоял Керенский, захлебнулось.

В конце концов идиотозавры пожрали друг друга. Первая мировая война разрушила три империи: Австро-Венгерскую, Российскую и кайзеровскую Германию. На обломках Австро-Венгрии родились чешско-словацкое, венгерское и польское независимые государства. Казалось, идиотозавры вымерли. Увы, они просто переродились в другой, еще более хищный вид.

После прихода к власти большевиков командование легиона объявило о нейтралитете во внутренней политике России. Советское правительство согласилось на вывод легионеров и военнопленных чехов за границу. Но большевики опасались, что эти части могут в будущем участвовать в интервенции стран Антанты. Поэтому было решено эвакуировать чехов через восточные границы. Пока они доберутся до Европы, глядишь, и мировая революция грянет!

На восток отправился и Гашек. Он уже был членом организации левых социал-демократов, вскоре ставшей секцией РКП(б). В условиях гражданской войны и интервенции нейтралитет чехов был относительно сносным. Руководство легиона выступило против Советской власти, белочехи — так их называли — вешали соотечественников-красноармейцев. Полевой суд чехословацкого войска выдал ордер и на арест Гашека. Он едва не попался «братям» во время штурма Самары, затем тайком пробрался до Симбирска, выдавая себя за слабоумного сына немецкого колониста. В Уфе Гашек чуть не попался колчаковцам, когда вывозил у них из-под носа оборудование типографии.

В 1919 году Гашек был уже сотрудником красноармейской газеты «Наш путь» (позднее «Красный стрелок»), в политотделе 5-й армии руководил иностранной секцией. Как всегда, он тянулся к людям, а люди — к нему. Однажды Гашек захотел угостить друзей гуляшом. Мяса не было, но удалось добыть гуся. Дело было в пути, и чтобы гусь не испортился, Гашек подвесил его под полом вагона. Свистнули! Подумать только, из-под идущего состава, на диких просторах Сибири!.. «Русский период» в жизни и творчестве Гашека — это большая тема. Россия потрясла Гашека. И как знать, не будь «похождений» Гашека в России, возможно, и не родился бы роман о Швейке.

Еще в Уфе Ярослав Гашек познакомился с Александрой Львовой, работницей типографии. 15 мая 1920 года в Красноярске они поженились. Многие указывают на то, что Гашек решил надолго обосноваться в России и возвращаться на родину в обозримом будущем не планировал. Он уже несколько лет не пил, много работал и, как знать, может быть, был в эту пору счастлив?

Но в ноябре 1920 года Коминтерн направил Ярослава Гашека в Чехословакию. В это время там разразился политический кризис, началась всеобщая забастовка, а в городе Кладно рабочие организовали самоуправление, провозгласив «советскую республику». Гашек с женой Шурой выехал в Прагу.

Возвращение блудного писателя

Уже на другой день после возвращения Гашека утренние газеты сообщали: «Вчера посетителей кафе «Унион» ожидал большой сюрприз; откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба, после пятилетнего пребывания в России сюда заявился Ярослав Гашек». Сюрприз заключался еще и в том, что за время отсутствия Гашека газеты несколько раз хоронили его, описывая бесславный конец писателя: будто его казнили легио-

ИЗ АРХИВА АВТОРА

По возвращении из России Гашек снова встретился со своей женой Ярмилой. «Гашек был гений, и его произведения рождались из внезапных наитий, — считала она. — Сердце у него было горячее, душа чистая»

неры или убили пьяные матросы в одесском кабаке.

Гашек вряд ли ожидал такого приема. Многие друзья отвернулись от него. Кто-то не подавал руки, кто-то демонстративно выходил, когда появлялся Гашек. Однажды его чуть не избили бывшие легионеры.

А главное — он опоздал. Коммунисты, к которым он «шел на связь», уже сидели в тюрьмах. Восстание в Кладно было подавлено, а его организаторы арестованы, их обвиняли в государственной измене.

Общественность ждала от «тайнственного большевистского комиссара» рассказов о зверствах. Одна журналистка спросила, на самом ли деле он питался в Красной Армии мясом убитых китайцев? «Да, милостивая пани», — подтвердил Гашек и пожаловался на неприятный привкус.

Он снова начал пить. И тут случилось то, что должно было случиться: он встретился с Ярмилой. Любовь вспыхнула вновь, Гашек называл их тайные отношения «прекрасным маем на склоне лет». Однажды Ярмила пришла на склоне. Гашек робко гладил мальчика по голове и обращался к нему на «вы». Только через месяц мальчик узнал, что «пан редактор» — его отец. Раньше ему говорили, что отец погиб в России. Ярмила и теперь звала с сына слово, что он никому не скажет об этой встрече. В следующий раз Гашек держался с сыном свободнее, шутил, рассказывал смешные истории, подарил книжку своих рассказов с надписью: «Дорогому сыну. Ярослав Гашек». Но эта встреча стала последней. И все же Ярмила ни разу не сказала о Гашеке худого слова. А когда горечь обиды утихла, именно она сказала о муже главное: «Гашек был гений, и его произведения рождались из внезапных наитий. Сердце у него было

горячее, душа чистая, а если он что и растоптал, то по неведению».

А как же «русская жена» Шура? Можно представить, что она переживала в это время — в чужой стране, без средств к существованию, с вечно где-то пропадающим мужем.

Все запуталось в личной, общественной и творческой жизни Гашека, спас его бравый солдат Швейк. Раньше этот герой был отделен от автора, писатель смотрел на него со стороны да посмеивался. Теперь Гашек вдруг увидел: Швейк — это я, это все мы — добрые люди, вынужденные как-то выживать в условиях всемирного абсурда и идиотизма.

Бессмертен!

Гашек и его давний друг, бывший анархист Франта Сауэр, обсудили замысел нового романа и взялись за дело. Решили сами издавать его небольшими выпусками с продолжением. Первую часть Гашек написал быстро. Затем друзья сочинили рекламную афишу и отправились по кафе и пивным Праги. В рекламе сообщалось:

«Да здравствует император Франц Иосиф! — воскликнул бравый солдат Швейк, происхождения которого во время мировой войны описывает Ярослав Гашек в своей книге «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой и гражданской войны здесь и в России». Одновременно с чешским изданием роман выйдет во Франции, Англии и Америке! Первая чешская книга, переведенная на основные языки мира».

Так компаньоны предсказали всемирную славу «Швейка». Известный тогда художник Йозеф Лада нарисовал обложку, создал самый узнаваемый образ Швейка, ему обещали щедрый гонорар, но, конечно, не заплатили. Дела шли плохо, тонкие книжки первого выпуска распространяли друзья писателя за 20 процентов комиссионных. На последующие выпуски денег просто не было. Но потихоньку тираж раскупался. Особенно нравился «Швейк» ветеранам, тем же легионерам — они узнавали собственные «похождения». Так Швейк

примирил еще вчера непримиримых врагов — красного комиссара и белочехов.

Но у «Швейка» сразу нашлись и интеллектуальные противники. Роман обвиняли в грубости, вульгарности. На эти упреки Гашек ответил: «Жизнь — это не школа для обучения светским манерам... Люди, которых корбит от сильных выражений, просто трусы, пугающиеся настоящей жизни... Такие типы на людях страшно негодуют, но ходят по общественным уборным читать непристойные надписи на стенках». Ну а сегодня язык Гашека вообще представляет собой изящную словесность!

Условия жизни Ярослава Гашека были по-прежнему тяжелые — он с Шурой жил у Сауэра, денег не было, зарабатывал на газетных фельетонах. Сауэр рассказал об этом общему другу художнику Панушке. Тот как раз собирался на этюды в небольшое местечко Липницу и позвал Гашека с собой. Писатель охотно согласился. 25 августа 1921 года они прибыли на место.

Липница очень понравилась Гашеку. Гашек поселился в комнате над трактиром «У чешской короны» и хвастался: «Я живу теперь прямо в трактире, ни о чем лучшем я и не помышлял». Как всегда, Гашек моментально оброс многочисленными друзьями. Все любили ходить в замок, разумеется, прихватив с собой выпивку и закуску. Однажды «забыли» в замке местного учителя, заперли двери и ушли в трактир. Вскоре прибежали люди и рассказали, что в замке мечется какая-то фигура и кричит ужасно страшным голосом. «Это Белая Пани! — с видом знатока заявил Гашек. — Надо выстрелить в нее, чтобы освободить от злого духа!» Когда учителя освободили, он дрожал и долго не мог говорить.

Художник Панушка вернулся в Прагу, а Гашек остался. Он писал роман и отсылал написанные главы по почте. Иногда переключался на рассказы и фельетоны. Однажды вечером спьяну написал Шуре открытку со своим адресом, звал приехать. К утру проснулся и пожалел об этом, бросился на почту, но открытка уже ушла. Приехала жена, стали жить вместе — впроголодь и в долг.

Право на издание «Швейка» перекупил предприимчивый издатель Сынек. С тех пор выпуски «Швейка» начали выходить регулярно, а Гашек получал постоянный гонорар. «Швейка» поставили на сцене. Наступил если не самый счастливый, то самый спокойный период в жизни писателя. Он купил домик около липницкого замка и даже нанял писаря. Гашек ошпарил руку и долго не мог сам писать, пришлось искать помощника. Безработный сын местного полицейского Клемент Штепанек писал под его диктовку. Гашеку нравилось так работать. После окончания работы Штепанек сразу запечатывал рукопись в конверт и отправлял издателю. Удивительно, но «Похождения бравого солдата Швейка», возможно, единственный роман, который автор не читал, ни по частям, ни в целом, ни в рукописи, ни в книжном издании! Воистину «не читатель, а писатель»...

Когда у Гашека завелись деньги, он никому не отказывал в помощи, ему доставляло удовольствие помогать, делать людям приятное. Стал попечителем местной школы.

Но силы оставляли его. Незалеченные с юности болезни, беспорядочный образ жизни, алкоголь и табак окончательно сгубили Гашека. Незадолго до Рождества 1922 года он слег и уже не вставал с постели. 3 января 1923 года Гашек умер от паралича сердца.

В Праге никто не поверил в смерть Гашека — его так часто хоронили. Поэтому на похоронах были только свои, местные, да художник Панушка, оставивший нам посмертный портрет Ярослава Гашека.

После его смерти остался запечатанный конверт. Его вскрыли. Это было письмо в окружной школьный комитет. Гашек извещал, что тяжело болен. «Учитывая мою неспособность выполнять возложенные на меня обязанности, прошу окружной школьный комитет подыскать мне на этот период заместителя, дабы интересы школы не пострадали». Это были последние строки, ради которых писатель не поленился обмакнуть перо в чернильницу. ■

Кто вы, Гарви Берч?

Сергей МАКЕЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Как был придуман и написан самый первый в мировой литературе шпионский роман

Шпионаж зародился в глубокой древности, но стал профессией и получил общественное признание лишь тогда, когда о разведке заговорили во всеуслышание. А для этого должна была появиться книга о настоящем разведчике.

Конечно, разного рода сочинения на эту тему были и раньше. Например, французский борзописец Куртиль де Сандра в псевдодокументальном сочинении «Мемуары мессира д'Артаньяна» представил нашего любимого мушкетера не просто «героем плаща и кинжала», но и шпионом.

Охотно писал о своей шпионской деятельности шевалье д'Эон. Но этот знаменитый авантюрист XVIII века сочинял свою жизнь так же, как некоторые свои секретные донесения.

Должен был появиться рассказ о герое-разведчике, которым движет не авантюризм, не алчность, а беззаветная любовь к родине; не только о его подвигах, но и о чувствах, мучительных сомнениях, нравственном выборе.

И такая книга увидела свет в 1821 году. Первый шпионский роман назывался незатейливо: «Шпион». Подзаголовок: «Повесть о нейтральной территории».

На пари романы не пишутся

Сквозь густой лес вдоль берега озера Отсего легкой индейской поступью бежал мальчик лет десяти. Он прятался за стволами деревьев, ужом скользил в траве.

— Джеймс! Хватит прятаться! — кричали ему братья. — Ты выиграл, мы уходим домой. Смотри, отец тебе всыплет!

Сыновья судьи и крупного землевладельца Вильяма Купера постоянно играли на воле, прекрасно ориентировались в лесу, метко стреляли из лука. Но Джеймс превосходил братьев во всем.

Когда мальчики вернулись домой, они увидели там Джеймса, листающего книгу со скучающим видом.

— Где вы пропадали? — спросил он.

Братья привыкли к его способности незаметно исчезать и внезапно появляться, все примечать, оставаясь невидимым, и даже называли иногда шпионом.

Прошло немало лет. Джеймс Фенимор Купер учился в Йельском колледже, потом служил на флоте, побывал в Лондоне — то есть, по американским меркам, повидал мир. Наконец, женился, обзавелся собственным домом и фермой, у него самого появились дети.

По вечерам, уложив дочурок спать, Джеймс и его жена Сюзан по очереди читали вслух английские романы. Книжные новинки долго плыли в Америке, а затем ехали к читателям на перекладных. Американская литература еще не заявила о себе на весь мир, писатели по большей мере подражали европейским авторам, а местные поэты воспевали выдуманную природу, похожую на регулярный английский парк, и трели соловья, хотя этих птиц в Америке нет, не замечая чудесного пения местных дроздов...

В тот вечер Джеймс дочитывал длинный sentimentalный роман. Закончив, он в сердцах отбросил книгу прочь и заявил:

— Я бы написал не хуже!

— Вечно ты задаешься, — мягко заметила Сюзан, — у тебя нет никакого литературного опыта.

— Бьюсь об заклад! — воскликнул Джеймс. И тут же пожалел о сказанном. Но идти на попятный не захотел, и пари было заключено.

Жена была не совсем права. Во-первых,

Памятник Фенимору Куперу в его родном городке Куперстауне

чтение для внимательного и вдумчивого читателя — тоже литературный опыт. А Джеймс читал много и воспринимал смысл прочитанного глубоко. Во-вторых, проба пера уже состоялась.

Одиннадцатилетним мальчишкой, на читавшихся романов о рыцарях, Джеймс решил сочинить что-нибудь в духе Вальтера Скотта. Но вот беда, он писал медленно и такими каракулями, что и сам не мог разобрать. Тогда мальчик договорился с наборщиком местной газеты, что надиктует ему книгу, а издатель даже согласился печатать ее с продолжением. Но фантазии на рыцарскую тему скоро наскучили юному автору, и роман остался недописанным.

Позднее, в юношеском возрасте, Джеймс написал балладу по просьбе одного бродячего певца. Это случилось вскоре после окончания второй войны с Англией (1812-1815 гг.), когда все только и говорили о жестокости англичан. Баллада называлась «Сожженное Буффало, или Ужасный пожар». Типография все той же газеты «Отсего геральд» отпечатала несколько экземпляров текста. Джеймс вскоре позабыл о

своем поэтическом дебюте. Однажды он был в гостях у одного из соседей. Перед ужином, желая занять гостя, дочь хозяина села за пианино и неожиданно запела... «Сожженное Буффало». Автор скромно промолчал, но аплодировал с двойным жаром — исполнительнице и себе самому.

Теперь Джеймс взялся за перо более решительно и в 1820 году уже читал рукопись друзьям, вкусу которых он доверял. Купер сказал слушателям, что это сочинение его хорошего знакомого. Роман назывался «Предосторожность», автор следовал традициям английских сентиментальных и семейных романов. Мужчины одобрили сочинение, а дамы даже усмотрели в нем влияние их любимых писательниц Джейн Остин и Амелии Опи. Окрыленный такими оценками, Купер отдал свое детище в нью-йоркское издательство, и скоро оно вышло в свет под длинным названием «Предосторожность, или Предупреждение лучше, чем Лечение», но без указания имени автора. Книгу перепечатали даже в туманной Англии.

Но в глубине души молодой писатель прекрасно осознавал подражательность своей книги и говорил жене:

— Книжки не пишутся по случаю. Да и можно ли написать хорошо о чужой стране, чужих нравах! Нет, моя первая книга впереди.

Это был горький, но полезный опыт: Джеймс Фенимор Купер понял, о чем и как НЕЛЬЗЯ писать. Он твердо решил рассказывать только о том, что знает и любит.

— Знаешь, о чем я напишу по-настоящему? — сказал он жене. — Об Америке и американцах. Я постараюсь написать так, чтобы это было интересно самим американцам!

Ковбои, скиннеры и бойцы невидимого фронта

С детства Джеймс Фенимор Купер любил слушать истории. В доме его отца собиралось много интересных людей, некоторые из них участвовали в войне за независимость Северной Америки. Их рассказы еще не подернулись мифологическим глянцем, старики говорили без прикрас: долгая и кровопролитная освободительная война была одновременно и революцией, и ожесточенной гражданской войной — ведь на стороне англичан воевали до пятидесяти тысяч американцев, верных британской короне. Вдобавок с той и с другой стороны на нейтральной территории орудовали отряды мародеров. Американских мародеров называли «скиннерами» (живодерами), английских — ковбоями (это были в основном кавалеристы, промышлявшие угоном скота американских фермеров).

Была среди американцев и пятая колонна — некоторые беспринципные дельцы только ждали победы королевских войск, а пока наживались на военных поставках и взвинчивали цены, пользуясь тяжелым положением колонистов. Даже Джордж Вашингтон горестно замечал: «Такого отсутствия чувства гражданского долга, такой спекуляции, такого множества всяческих ухищрений для получения той или иной выгоды я никогда еще не видел...». (Вообще говоря, в эти годы американцы относились к коммерсантам весьма настороженно. Запомним это обстоятельство.)

Позднее Купер встречал ветеранов той войны в семье своей жены и среди соседей. Особенно запомнились ему долгие разговоры с Джоном Джеем, видным государственным деятелем США. В годы войны за независимость президент Джордж Вашингтон назначил Джея в Комитет по безопасности — первую разведывательную службу молодого государства. Именно Джей должен был собирать информацию о передвижении, а по возможности и о замыслах англичан — «красных мундиров», как называли их колонисты. Джон Джей получал донесения от своих агентов через нарочных, но, бывало, и сам выходил на связь.

— Бывали и другие способы передачи сведений, особые приметы, — рассказывал старик, попыхивая трубкой. — Вот, допустим, на веревке сушится бельё. Судя по тому, что и как развешено, агент узнавал, можно ли переправиться на нашу сторону, не ждет ли его засада.

Больше других потрясла писателя судьба безымянного героя-разведчика, имени которого Джон Джей так и не назвал. Это был простой фермер, живший на нейтральной территории, куда заходили и англичане, и американцы. У него была репутация, как говорится, «пособника врага». Благодаря «дружбе» с английскими офицерами, он добывал и передавал ценные сведения командованию континентальных войск (так называли американские вооруженные силы). Понятно, американцы люто ненавидели «предателя», он не раз был на волосок от смерти. Даже после войны истинное лицо шпиона продолжали скрывать, последняя встреча Джона Джея с агентом была тайной. Джей принес немалые деньги — плату не только за смертельно опасную службу, но и за опозоренное навсегда имя. Но фермер

отказался от платы и заявил: «Эти деньги пригодятся моей родине после войны, а я сам заработаю на хлеб насущный». Как жил он впоследствии, под каким именем, осталось тайной.

Солдату – пуля, шпиону – веревка

О другом герое тайной войны Джеймс узнал еще в колледже — там учился когда-то и Натан Хейл, ставший национальным героем североамериканских штатов. Позднее Джеймсу рассказывал о нем родственник жены — Бенджамин Толмедж, генерал, член Конгресса. Во время войны майор Бенджамин Толмедж руководил армейской разведкой.

Бенджамин Толмедж и Натан Хейл были однокашниками. После окончания колледжа Хейл начал работать учителем. В 1775 году друзья вместе вступили в армию Вашингтона. Хотя Натану было всего двадцать лет, он проявил себя как храбрый и находчивый офицер и вскоре получил чин капитана.

В начале сентября 1776 года английские войска вытеснили американцев из Нью-Йорка и Лонг-Айленда. Последних защитников Манхэттена буквально выкурили из домов, где они держали оборону — пожар, устроенный англичанами, вошел в историю как Большой Нью-Йоркский Пожар. Всех захваченных с оружием в руках англичане казнили.

Генерал Вашингтон требовал усилить разведывательную деятельность. В этот трудный для родины час капитан Натан Хейл сам вызвался идти в тыл врага.

Глухой ночью Натан спустился к проливу. Он знал, что на той стороне у него нет ни явок, ни связи. Ему предстояло на утлой лодчонке проскользнуть мимо сторожевых кораблей, уповая на одного союзника — крошечную тьму.

Легенда разведчика убедительна, если содержит часть правды. Вот и Натан выдавал себя за учителя, который ищет частные уроки. Когда его останавливали английские патрули, он произносил ритуальную фразу: «Боже, храни короля!» — и начинал жаловаться на свою несчастную жизнь, разрушенную бунтовщиками. Так он пересек весь Лонг-Айленд и пробрался в Нью-Йорк. Из подслушанных разговоров и наблюдений он составил довольно полное представление о расположении и передвижении неприятельских частей. Он делал записи на латинском языке, наивно полагая, что этот шифр спасет его в случае неожиданного ареста.

На обратном пути разыгралась непогода — сильный ветер и косой дождь стеной. Вдобавок туман накрыл пролив,

Арест с личным шпиона — майора Джона Андре. 22 сентября 1780 года

переправиться было невозможно. Хейл решил переждать в прибрежной таверне. Вероятно, излишняя любознательность янки уже вызвала подозрение у англичан, и за ним установили слежку. Как только он вышел за порог, его арестовали.

Найденные при обыске записи полностью изобличали Натана Хейла как шпиона. Но его мужество вызывало уважение. Английский генерал Хау лично встретился с арестованным, пытался завербовать его, предлагал чин капитана королевской армии и большие деньги. Хейл отказался.

— В таком случае, — сказал генерал, — вы должны знать правила войны: солдату — пуля, шпиону — веревка.

Утром 22 сентября 1776 года немногочисленных жителей Нью-Йорка согнали в район нынешней 66-й улицы Манхэттена — смотреть на показательную казнь.

Палач, надевая петлю на шею осужденного, усмехнулся:

— Разве это подходящая смерть для офицера?

— Любая смерть за родину почетна, — спокойно ответил Натан Хейл. И, возвысив голос, обратился к соотечественникам: — Я сожалею только об одном: что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать за отчизну!..

СМЕРШ по-американски

В ходе войны стало очевидно, что враг тоже получает сведения из лагеря американцев, участились случаи провалов надежной агентуры. Майор Бенджамин Толмедж начал заниматься и контрразведкой. В этом качестве он был известен своей агентуре под псевдонимом Джон Болтон. Об одной тайной операции старик Толмедж поведал молодому писателю.

К тому времени в тылу у англичан работало уже несколько агентов. Они не только присылали ценные сведения военного характера, но и следили за подозрительными связями британцев. Из их донесений стало известно, что офицер английской разведки майор Джон Андре зачастил на передовой рубеж «красных мундиров» и что готовится переброска агента под именем Джон Андерсон.

Вскоре Толмедж получил депешу от коменданта крепости Вест-Пойнт с просьбой предоставить охранительный документ торговцу по имени... Джон Андерсон. Появление в секретной переписке одного и того же имени дважды, почти одновременно, наводило майора Толмеджа на серьезные размышления.

Комендантом Вест-Пойнта был генерал-майор Арнольд. Несколько лет назад он храбро воевал в континентальной армии, в бою потерял ногу, получил генеральские эполеты и был назначен военным губернатором штата Пенсильвания. Но на этом посту генерал оскандалился в связи со спекуляциями на военных поставках, вынужден был уйти в отставку, его дело разбирали Конгресс. Учитывая

былые заслуги генерала, ему вынесли лишь мягкое порицание. Главнокомандующий Вашингтон даже выразил надежду, что Арнольд восстановит свой авторитет на службе в армии.

В британской разведке внимательно следили за делом Арнольда. Майор Андре решил, что это перспективная фигура в тайной игре.

Майор Андре был хорошо известен в лучших домах Нью-Йорка — блестящий светский офицер, талантливый постановщик любительских спектаклей, в которых часто исполнял ведущие роли, немного поэт, отчасти музыкант. Среди его знакомых была молодая красивая актриса Пегги Шиппен (возможно, даже больше, чем просто знакомая). Разведчик стал ей напевать: есть, мол, на той стороне не старый еще генерал, недавно овдовевший, немного хромот, но и на одной ноге далеко пойдут. В скором времени Пегги стала генеральшей. Через цепь курьеров и благодаря влиянию Пегги установилась прямая связь между майором Андре и генералом Арнольдом, начались переговоры. Цена за измену была очень высока, а генерал был слишком алчен, чтобы устоять.

Вскоре генерал обратился к Вашингтону с просьбой назначить его комендантом Вест-Пойнта. Майор Андре знал, что делал, продвигая генерала на этот пост: Вест-Пойнт был важнейшим укреплением на реке Гудзон, здесь были сосредоточены интендантские склады. Тут часто останавливались офицеры с особыми поручениями, обладавшие ценнейшей информацией.

Теперь уже в чине генерал-майора Арнольд сообщал противнику интересующую информацию: кого из видных политиков и конгрессменов можно склонить к сотрудничеству, сведения о дислокации войск, расположении коммуникаций и складов. Наконец, он сдал англичанам нескольких тайных агентов, о которых ему удалось случайно узнать.

Но майор Андре готовил генерал-майора для более важной миссии. Он предложил коменданту сдать англичанам Вест-Пойнт, склонив на их сторону часть гарнизона. Возможно, это решило бы исход сражения на Гудзоне.

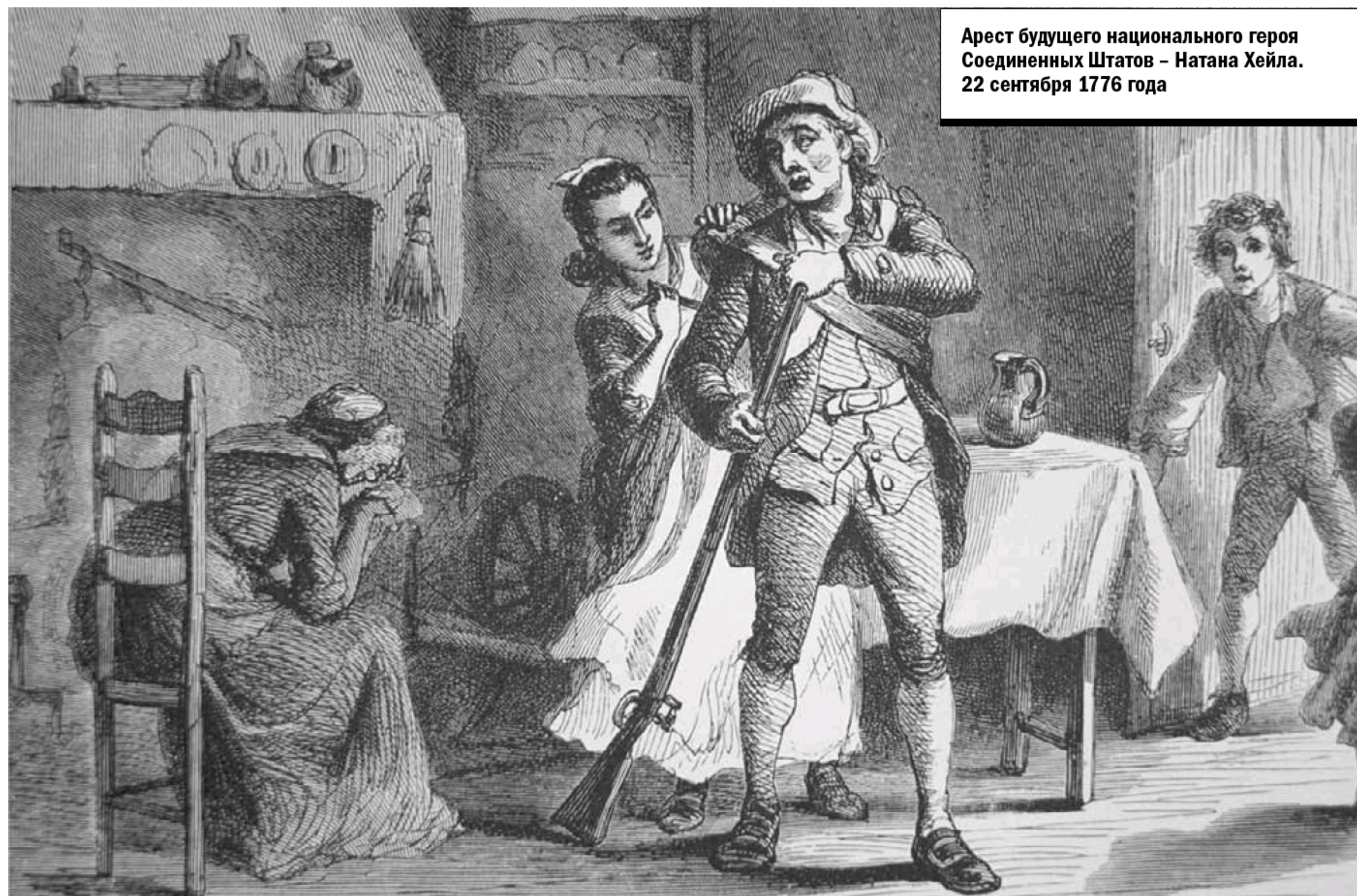
Генерал-майор Арнольд запросил за предательство пятьдесят тысяч долларов золотом и патент бригадира королевской армии. Для заключения окончательного соглашения и уточнения деталей плана требовалась личная встреча разведчика и предателя. Под именем торговца Джона Андерсона на ту сторону отправился сам майор Андре.

А в это время майор Толмедж ломал голову над странным совпадением имен и решил установить скрытное наблюдение за комендантом Вест-Пойнта. Но пока он размышлял, тайная встреча уже состоялась в ночь на двадцать первое сентября 1780 года. Майор Андре гарантировал генерал-майору Арнольду двадцать тысяч фунтов и высокий пост в британской армии, а комендант передал вражескому офицеру подробный план Вест-Пойнта.

На рассвете за майором Андре должна была приплыть шлюпка и доставить его на британский корабль. Но американская береговая батарея обстреляла судно, и корабль ушел. Разведчику пришлось возвращаться сушей. Уже на нейтральной территории его остановил патруль ополченцев. Человек, крадущийся на рассвете в расположение англичан, оказался им подозрительным, они не поверили ни объяснениям, ни представленным документам и тщательно обыскали задержанного. В правом сапоге была обнаружена карта Вест-Пойнта. Майор пытался откупиться, предложил сто гиней и свои золотые часы (кстати, на внутренней крышке часов было начертано его подлинное имя). Но командир патруля ответил: «Даже за десять тысяч гиней вы не сделаете ни шагу».

Пленного отправили к непосредственному командиру — подполковнику Джемсону. Тот решил известить коменданта Вест-Пойнта о поимке важного шпиона. Генерал-майор немедленно исчез и в тот же день оказался на стороне противника.

По приговору военного суда майор

Арест будущего национального героя Соединенных Штатов — Натана Хейла. 22 сентября 1776 года

Джон Андре был повешен. Конечно, он был схвачен и разоблачен почти случайно. И все-таки разработанный им план вряд ли мог осуществиться: комендант Вест-Пойнта был уже «под колпаком».

А на нейтральной полосе...

Такие истории и впечатления вдохновили Джеймса Фенимора Купера и послужили реальной основой его новой книги. Буквально в первых строках автор сообщал: «Многие, однако, носили маску, которую еще не сбросили к этому времени; и не один человек сошел в могилу с позорным клеймом врага...» Главного героя, патриота-разведчика, писатель назвал именем Гарви Берч и сделал его торговцем-разносчиком. Уже сама его работа делала репутацию Берча сомнительной в глазах соотечественников. «Война не препятствовала разносчику заниматься своим делом, — писал Купер, — нормальная торговля в графстве прекратилась, но это было ему на руку, и, казалось, он только и думал, что о барышах». А для шпиона трудно было придумать лучшего легального занятия, позволявшего перемещаться, не внушая подозрений.

Местом действия писатель избрал нейтральную территорию между противостоящими армиями, которую, впрочем, каждая сторона считала своею и куда проникали и те, и другие. Поэтому, как писал, Купер, «в этой местности законность то и дело нарушалась, и решения принимались в угоду интересам и страстям тех, кто был сильнее в тот момент».

Из романа мы почти ничего не узнаем о том, как Гарви Берч добывал секретные сведения, но видим, как он их доставляет через нейтральную территорию, какими средствами и тайными знаками пользуется. Он почти не опасается англичан, только американцы постоянно охотятся за ним — свои военные неудачи они связывали с предательством Берча. Его дважды арестовывали, один раз судили и приговорили к повешению, но он всякий раз ускользал. Однажды он даже решил раскрыться, выйти из игры:

«Он вытащил из-за пазухи жестяную коробочку и открыл ее — там лежал маленький клочок бумаги. Мгновение глаза разносчика были прикованы к этой бумажке...

— Нет... Это умрет вместе со мной. Я помню условия моей службы и не куплю жизнь тем, что нарушу их...».

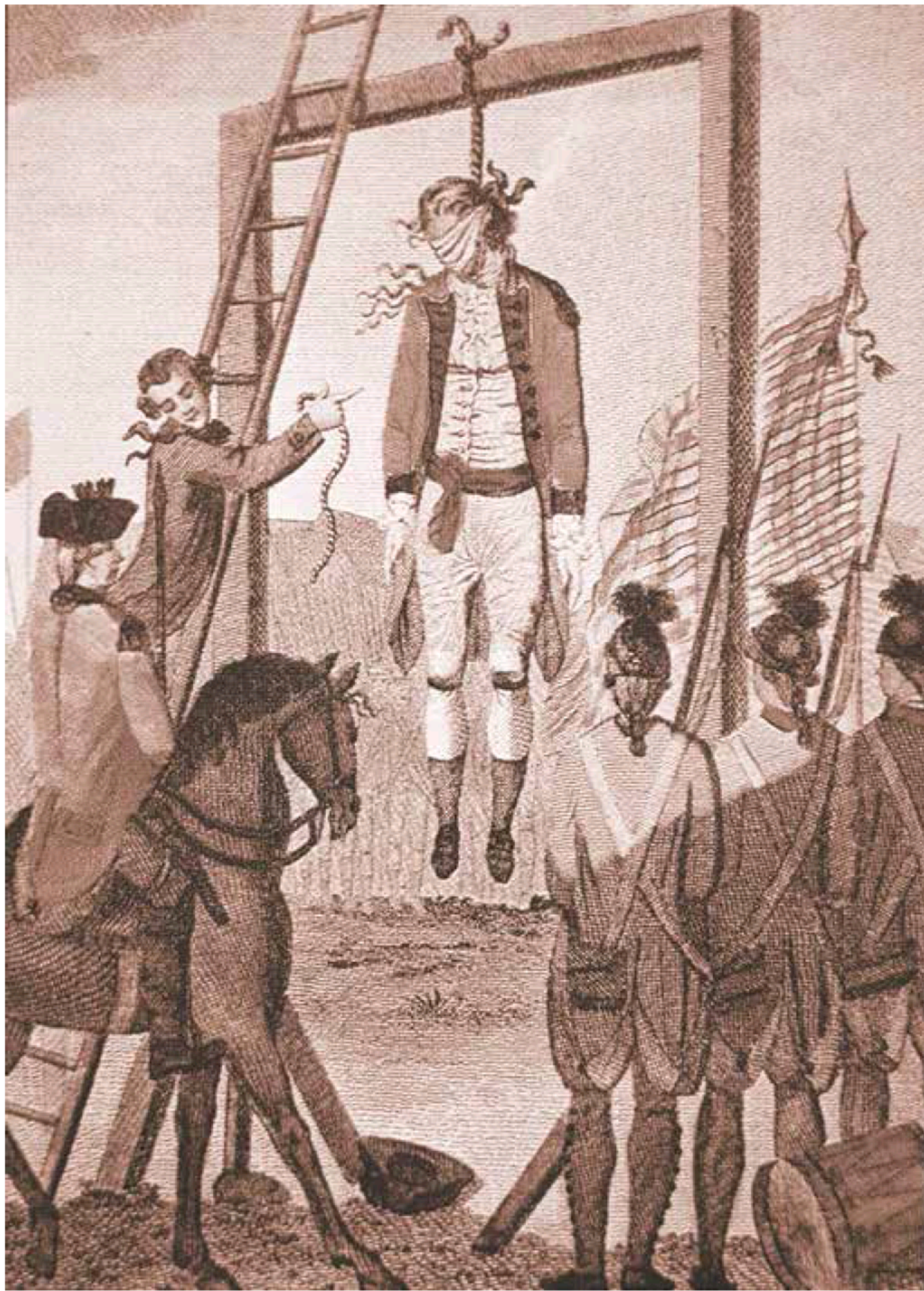
С этими словами Гарви Берч проглотил спасительную записку.

Поступки шпиона сегодня вызывают удивление: ну ладно бы он хранил тайну перед врагами, но почему даже на пороге смерти он таится перед своими?

В то время шпионаж все еще был малопочтенным занятием, уделом авантюристов и вообще людей морально нечистоплотных. Командование всегда дистанцировалось от шпионов, а в случае их провала никогда не признавало их своими агентами. Заслуга Джеймса Фенимора Купера в том и состояла, что он изобразил «солдата невидимого фронта», достойного высокой награды в случае победы, а в случае поражения — пули, а не петли. Но в те годы дело обстояло совершенно иначе, и Гарви Берч с горечью говорил: «...тому, кто служит своей родине как шпион, будь он самый верный, самый бескорыстный человек, достается всеобщее презрение, и его казнят, как самого подлого преступника».

В романе бегло описаны истории, слышанные Купером от ветеранов разведки: о гибели Натана Хейла, о поимке и казни майора Андре. Но они не получили развития, упомянуты лишь для придания роману ощущения документальности и как бы подчеркивают реальную опасность, грозящую главному герою.

Когда миссия Гарви Берча была завершена, он тайно встретился со своим шефом, генералом, в романе он появляется лишь дважды под именем мистера Харпер. «Только я, один я в целом свете знаю, что вы действовали из глубокой любви к свободе Америки, — сказал генерал и предложил шпиону деньги за героическую службу. «Неужели вы дума-

Казнь британского шпиона — майора Джона Андре. 2 октября 1780 года

ете, ваше превосходительство, что я рисковал жизнью и опозорил свое имя ради денег? Нет, нет, я не возьму у вас ни доллара, бедная Америка сама в них нуждается!» — так ответил герой, как и его реальный прототип. Но генерал помнил, что Берч знает многих законспирированных агентов, поэтому напутствовал его: «Не забывайте, что маску, скрывающую ваше истинное лицо, вам не позволят снять еще много лет, а быть может, никогда».

В финале романа Гарви Берч появляется уже седым стариком. Во время англо-американской войны 1812-1815 годов он снова оказался на переднем крае борьбы за свободу родины, но теперь уже с мушкетом в руках. В одном из сражений он был убит. При нем обнаружили жестяную коробочку с запиской:

«Гарви Берч многие годы верно и бескорыстно служил своей родине. Если люди не воздадут ему по заслугам, да наградит его господь!

Джордж Вашингтон».

Действительно ли это шпионский роман? И да, и нет. Хотя в целом это книга о шпионе-патриоте, она еще и о судьбах американцев, военных и мирных граждан, в смутное время: они придерживались разных убеждений, и это придавало особый драматизм их любви, дружбе, родственным отношениям. К тому же само место действия — нейтральная территория — представала в романе своего рода метафорой зыбкости моральных принципов в эпоху гражданской войны.

Наконец, в книге немало изображений девственной природы Америки, мощных рек, величественных лесов — эти картины наиболее полно предстанут потом в любимой читателями всех стран трилогии Купера «Зверобой», «Следопыт» и «Последний из могикан».

В поисках подлинного Гарви

Роман «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» появился на книжных прилавках в декабре 1821 года. Публика приняла его восторженно. Отзывы критики последовали не сразу, а через пару месяцев. Рецензент «Северо-американского обозрения» выразил, пожалуй, общее мнение: «Мы мечтали о том дне, когда на американской почве и исключительно из наших материалов будет воздвигнуто здание современного исторического романа во всей его национальной силе и изяществе».

К тому времени «Шпиона» уже издали в Лондоне. Английские критики, ревниво поглядывавшие за океан, теперь вынуждены были признать: американская литература тоже существует, и это ее первый большой успех.

Конечно, нашлись и недовольные. Многим не нравилось, что герой — простолудин. А если бедный, да еще шпион — это уж совсем неприлично. Вдобавок в книге говорилось о многом таком, о чем хотелось позабыть; американцы вообще не любят признавать своих ошибок и преступлений, а уж тем более каяться.

Очень скоро «Шпион» был переведен на многие европейские языки, к автору пришла мировая слава. Сам Бальзак, по его признанию, «рычал от восторга», читая Купера.

Конечно, читателей очень волновал вопрос: кто послужил прототипом главного героя? Купер всегда отвечал уклончиво, в предисловии ко второму изданию книги добавил только, что об этом герое рассказал ему «мистер Х» — писатель имел в виду Джона Джея.

Прошло несколько лет, Джеймс Фенимор Купер был уже знаменитым романистом. Он получил выгодную дипломатическую службу — пост консула в Лионе. Ему нравилась жизнь в Европе, но писал он о родной Америке.

И вот в 1827 году произошло знаменательное событие. В нью-йоркском суде слушалось дело о наследстве, и в качестве

свидетеля был вызван пожилой фермер по имени Инок Кросби. Кто-то из уважаемых граждан города узнал его и воскликнул:

— Я полагал, что вы давно погибли! — и тут же сообщил окружающим, что это и есть «подлинный Гарви Берч из романа Купера».

Вокруг старика поднялась шумиха, о нем писали газеты. Через несколько дней Кросби пригласили в театр, где шла пьеса «Шпион». Гостя представили публике, и весь зрительный зал рукоплескал ему. Вернувшись домой, растроганный фермер написал благодарность в газету: «С моей стороны было бы ненужной сдержанностью, если бы я не выразил мою признательность гражданам Нью-Йорка за их внимание, оказанное мне во время последнего посещения города. И особенно благодарю руководство театра, пригласившего меня на представление спектакля под названием «Шпион». Представление доставило мне истинное удовольствие».

И ни слова в подтверждение или опровержение того, что он и есть Гарви Берч.

В следующем году некий делец от литературы Г.Л. Барнаум написал небольшую книжку под длинным названием «Шпион без маски, или Мемуары Инока Кросби, он же Гарви Берч, герой Повести о нейтральной территории г-на Купера. Подлинное описание секретных поручений, которые он выполнял для своей страны в годы революционной войны. Рассказано им самим со множеством интересных фактов и эпизодов, никогда раньше не публиковавшихся». Автор снабдил свое творение подобострастным посвящением:

«Джеймсу Ф. Куперу, эсквайру, чье перо первым обессмертило предмет этих мемуаров».

Насколько правдиво и документально было повествование Барнаума и действительно ли оно основано на рассказе Инока Кросби — неизвестно.

Эта книжка попала в глаза Куперу только в 1831 году. Он посчитал Инока Кросби самозванцем и отвечал на вопросы о нем с раздражением. Впоследствии, когда ажиотаж вокруг «прототипа» утих, Купер писал более спокойно: «Мне ничего не известно о человеке по имени Инок Кросби. Я никогда вообще не слышал его имени, пока по возвращении из Европы не увидел его в сочетании с именем героя «Шпиона». История этой книги изложена в предисловии к последнему изданию».

Американские историки и литературоведы до сих пор спорят: был ли Инок Кросби одним из тайных агентов континентальной армии или не имел к секретным службам никакого отношения. Зато многие поколения читателей не сомневаются, что Гарви Берч — реальное историческое лицо.

***

«Шпион» проник в Россию вскоре после издания в Европе, в 1825 году. Правда, автора у нас называли по-своему — Фенимор Купер, а его героя — Харвей-Бирш. Пушкин отмечал богатое поэтическое воображение Купера, Лермонтов писал, что в его романах «несравненно больше поэзии, чем в Вальтере Скотте». Виссарион Белинский вторил поэтам: «Так как Купер начал писать романы уже после Вальтера Скотта — то и почитается его подражателем... Но это грубое заблуждение... Купер превосходит Вальтера Скотта...» Впрочем, справедливости ради надо сказать, что эти похвалы относились к более зрелым романам Купера.

Кстати, сам он жутко не любил, когда его сравнивали с великим шотландским коллегой.

— Это меня оскорбляет больше, чем все плохие рецензии на мои книги, — говорил он в ответ.

Боюсь, что сегодня Купера знают у нас меньше, чем тогда. По моей просьбе моя жена пошла в книжный магазин и спросила продавщицу:

— У вас есть Фенимор Купер?

— А это что такое? — спросила продавщица. ■

Две жизни короля капусты

Жизнь и приключения Билли Портера, более известного под псевдонимом О.Генри

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В моем детстве знакомство с новеллами О.Генри совпало с выходом на экраны кинокомедии Л.Гайдая «Деловые люди». И с тех пор во дворах то и дело звучали цитаты из О.Генри. Если кто-то напрашивался прокатиться на твоем велосипеде, он слышал в ответ:

— Боливар не выдержит двоих!

Если кто-то приставал с докучными просьбами, ему отвечали:

— Мальчик, хочешь пакетик леденцов и прокатиться в шарабане?

Ну, а если надо было срочно удирать, говорили:

— Успеем добежать до канадской границы?..

Интересные истории в жизни — случаются, а хорошие истории в литературе — получаются. Как, «из какого сора» получились новеллы О.Генри?

С Гондурасом в сердце

Году этак в 1896-м, где-то в забытом богом Гондурасе, двое молодых янки сидели под навесом из пальмовых веток и тешно боролись с жарой, обмахиваясь шляпами. История не сохранила точных сведений о том, чем они зарабатывали на жизнь. Зато известно точно, что в свободное время они рассказывали друг другу поучительные истории. А чем еще заняться в этой «банановой республике»? Так называл Гондурас один из них, Уильям Сидни Портер, или просто Билл. Второго звали Эл Дженнингс, в Штатах он запомнился как взломщик сейфов и грабитель поездов. Оба выбрали Гондурас временным пристанищем потому, что эта страна не выдавала дяде Сэму его блудных сыновей.

— Ну и скукота, дружище Билл! Хоть бы революция, что ли, или переворот. Здесь они случаются чаще, чем у нас зима сменяет лето, — Эл Дженнингс затянул дурашливым голосом местную патристическую песенку, которую можно перевести так:

Гондурас, Гондурас,
В сердце каждого из нас!

Портер подхватил:

Гондурас, Гондурас,

Мы с тобою в трудный час!

— Опереточные народы забавляются игрою в правительства, — заметил Портер, — покуда в один прекрасный день в их водах не появляется молчаливый военный корабль и говорит им: «Не ломайте игрушки!» И вслед за другими приходит веселый человек, искатель счастья, с пустыми карманами, которые он жаждет наполнить...

— Ага, вроде Уильяма Уокера, — сказал Дженнингс. — Его крепко запомнили в этих краях. Слышал про него?

Портер приготовился слушать. У себя на родине он уже писал репортажи и юморески, а теперь обдумывал книгу о вымышленной южно-американской стране Анчурии. Не хватало, пожалуй,

главного героя и главной темы, которые объединят разрозненные эпизоды.

Уильям Уокер, авантюрист и президент

Уильям Уокер вполне мог бы стать героем авантюрного романа. Он родился в добропорядочной американской семье, его предки были переселенцы из Шотландии. Смолоду Уильям много читал: романы Вальтера Скотта и поэмы Байрона сделали из него романтика и отчасти авантюриста. В то же время Уокер обладал непреклонной волей, умом и талантом. В девятнадцать лет он уже получил диплом врача, затем два года учился в Европе. Революция 1848 года, идеи Маркса, Фейербаха и Бланка, героическая биография Гарибальди — все это произвело большое впечатление на юношу. Вернувшись на родину, Уильям примкнул к аболиционистам, выступавшим за отмену рабства.

Он самостоятельно изучил юриспруденцию, некоторое время работал адвокатом, но затем увлекся журналистикой и даже стал одним из издателей газеты либерального толка. Он печатал ранние стихи Уолта Уитмена, а его собственные статьи были так задиристы, что автору пришлось из-за них драться на трех дуэлях, дважды он был ранен. Уокер с голо-

вой окунулся в политику, пока только внутреннюю.

Расправить крылья ему помогла большая любовь. Его избранницей стала Элен Мартин, очень необычная девушка. Из-за перенесенной в детстве болезни Элен потеряла слух и дар речи. Несмотря на этот тяжелый недостаток, она была очень обаятельна, умна и дружелюбна. Ее благосклонности добивались завидные женихи. Уокер был невзрачен на вид, но проявил в любви свойственное ему упорство, освоил язык жестов и всякую свободную минуту стремился проводить с Элен. Когда уже была назначена свадьба, Элен неожиданно заболела холерой и умерла.

Этот удар судьбы сильно повлиял на характер Уокера: он сделался мрачным мизантропом. В его взглядах также произошли разительные перемены. Теперь он считал интересы рабовладельческого Юга законными и вполне естественными. Кроме того, Уокер увлекся теорией «предопределения судьбы» — доктриной о мессианской роли англосаксов на всем американском континенте от Аляски до мыса Горн. Политики-южане обсуждали проекты покупки или аннексии Кубы, создания карибской рабовладельческой империи от Мексики до Колумбии.

В голове Уокера созрел план: покорить какую-нибудь республику, объявить ее

независимым американским государством и провозгласить себя президентом с диктаторскими полномочиями. А почему бы нет? Ведь стал же полукровка, ирландец О'Хиггинс верховным правителем Чили!

Уильям Уокер организовал экспедицию в Никарагуа. Спонсором выступил магнат Корнелиус Вандербильт, владелец мощной паровой компании. Вандербильт намеревался построить канал между Атлантическим и Тихим океанами именно в Никарагуа, используя протяженные озера этой страны. Вторжение в Никарагуа проходило тоже под «освободительным» флагом — с целью поддержки либеральных сил республики. Легионеры Уокера именовались «колонистами», им были обещаны значительные наделы земли. Осенью 1855 года армия Уокера в Никарагуа насчитывала полторы тысячи прекрасно вооруженных бойцов. Пароходы Вандербилта подвозили все необходимое. Уокер без труда захватил власть, правил страной через марионеточного президента Риваса, а затем и вовсе провозгласил себя полновластным диктатором. Америка поспешила признать режим Уокера. Он восстановил в Никарагуа рабство, отмененное во всей Центральной Америке еще в 1824 году, объявил английский язык государственным. При Уокере эту, с позволения сказать, республику стали называть «Уокерагуа».

Успехи вскружили голову диктатору настолько, что он рассорился с Вандербилтом, а тот не прощая ни убывков, ни измен. Поставки прекратились. Под давлением магната правительство США тоже отвернулось от авантюриста и двинуло к берегам Никарагуа американский флот.

В это же время соседние республики Гватемала, Коста-Рика, Гондурас и Сальвадор заключили военный союз против узурпатора и начали наступление. После нескольких поражений Уокер с остатками своего войска отступил к побережью и сдался командующему американским флотом. Его репатриировали в Штаты. Уокер вновь не понес никакого наказания, более того, его повсеместно встречали как героя.

Через три года неутомимый Уокер организовал новую экспедицию, в Гондурас, и вновь под благовидным предлогом: якобы для поддержки оппозиционных сил республики. Во главе сотни «колонистов» Уокер захватил город-порт Трухильо. В конфликт вмешалась Англия, в гавань Трухильо вошел английский бриг. Его пушки могли одним залпом разметать форт, в котором укрылся Уокер со своим отрядом. Капитан обвинил авантюриста в нарушении международных законов, потребовал немедленно сложить оружие, освободить таможенную и другие портовые учреждения. К тому же началось наступление гондурасских частей. Поэтому Уокер согласился сдаться англичанам при условии, что его вместе с отрядом отправят на родину. Капитан Салмон пообещал, но слова не сдержал и выдал пленников гондурасским военным. Уокер был приговорен к смертной казни.

Двенадцатого сентября 1860 года Уильяма Уокера поставили у стены форта, который он недавно захватил.

— Назовите свое имя, — потребовал офицер.

— Президент Никарагуа! — ответил авантюрист по-испански.

Он отказался надеть черную повязку или повернуться лицом к стене, и сам скомандовал взводу: «Пли!»

— Конечно, гондурасцы искали сакво-ж Уокера с «капустой», — добавил под конец рассказа Эл Дженнингс, — но нашли лишь одну ценную вещь — медальон, подаренный ему когда-то Элен Мартин. Он всегда носил его на груди...

Без вины виноватый

«Теперь я знаю, на кого будут похожи мои герои Билли Кьюу, Клэнси и Дикки Малони, — думал Портер, слушая рассказ своего друга. — Я приправлю свою книгу изрядной долей таинственности, авантюры и, конечно, слобрую ее любовью...»

Он извлек из кармана золотые дамские часы, открыл крышку — на ее внутренней стороне была изображена миловидная молодая женщина.

— Сеньор Портер! Вам телеграмма! — босоногий мальчишка-рассыльный бежал по улице, поднимая пыль.

Портер прочитал телеграмму и изменился в лице. Родные писали, что у жены пошла горлом кровь и дни ее сочтены.

— Как ты думаешь, Эл, сколько даст ювелир за эти часы? — спросил Портер. — Хватит на билет?

— Хватит, чтобы упрятать тебя в тюрьму! — воскликнул Дженнингс. — По-моему, парень, ты выбрал неверную дорогу.

— Дело не в дороге, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбирать дорогу, — сказал Билл и поспешил в ювелирную лавку.

На другой день «фруктовый» пароход, словно машина времени, повез Билла к прежней жизни...

...Уильям Сидни Портер родился одиннадцатого сентября 1862 года в маленьком городке Гринсборо, штат Северная Каролина. Его отец был врачом, мать умерла, когда Билли исполнилось всего три года. Свое сиротство он переживал всю жизнь. После смерти жены отец стал спиваться. Мальчика воспитывала сначала бабушка, затем тетя, содержавшая частную школу для девочек. В шестнадцать лет Билл начал

Американский авантюрист Уильям Уокер был даже президентом Никарагуа

работать в аптеке у своего дяди. Американская аптека, особенно в маленьком городке, это что-то среднее между магазином, баром и клубом. Конечно, там всегда обсуждались местные новости и звучали рассказы. Юный Портер впитывал их, как губка. Впрочем, рецепты мазей и порошков тоже помнил наизусть полторы тысячи, без труда получил диплом фармацевта.

Вдруг у Билли открылся кашель, родные всполошились. Врач посоветовал отправить юношу в Техас, где воздух сухой

и теплый. Там у сыновей доктора было большое ранчо, где Билл прожил два года. Он не гонял стада и не клеймил скот, но хорошо изучил жизнь ковбоев, овладел испанским языком. И, конечно, пополнил свой запас удивительных историй.

Он всегда много читал, занимался самообразованием, прекрасно знал

Пароходный магнат Корнелиус Вандербильт спонсировал авантюру Уокера

Уильям Сидни Портер, будущий О.Генри, успел поработать и кассиром в банке. Потом на него «повесят» чужую растрату

мифологию и фольклор, был очарован арабскими сказками. Фольклорные, библейские и восточные мотивы он позднее вплетал в свои новеллы.

Двадцати двух лет от роду Уильям Сидни Портер перебрался в столицу штата Остин. Работал провизором в аптеке, затем служил клерком в агентстве недвижимости. В 1885 году он познакомился с семнадцатилетней Этол Эстес. Она увлекалась литературой и музыкой, сама сочиняла, пела и танцевала. Казалось, молодые люди поистине «родственные души». Но мать и отчим не давали им своего благословения, их смущала не только бедность Билла, но и болезненная наследственность обоих влюбленных — ведь отец девушки тоже умер от чахотки. Молодые люди решили обвенчаться тайно. Родители в конце концов смирились и приняли молодых под свой кров. Портер самостоятельно освоил новую профессию чертежника-землемера и начал работать в Земельном управлении штата.

Счастье молодых было омрачено смертью первенца. Но уже через год родилась девочка, ее назвали Маргарет, она была любимицей отца. Став настоящим главой семьи, Портер принялся искать более доходное место. По протекции ему удалось поступить на службу в Остинский национальный банк кассиром. У него не было способностей и достаточных навыков для этой работы, он был доверчив и простодушен, но все-таки надел брюки в полоску — обязательную униформу банковского служащего. Кто мог подумать, что вскоре весь его костюм будет в полоску, а небо в клетку!

Понятно, что никакого интереса к работе за кассой у Портера не было. Он с удовольствием играл в любительских спектаклях, смешил друзей забавными карикатурами и веселыми рассказами, наконец, начал писать заметки и юморески в газету. Войдя во вкус, он даже основал собственный юмористический еженедельник «Роллинг Стоун». Но предпринимательской хватки у Портера тоже не было, и примерно через год еженедельник прекратил существование.

Однако талантливого автора заметили. Из Хьюстона пришло заманчивое предложение: занять должность редактора юмористического отдела ведущей городской газеты «Хьюстон пост». Портер уволился из банка и вместе с женой и дочкой переехал в Хьюстон.

И тут как гром среди ясного неба: ревизия в Остинском банке выявила крупную недостачу — более чем в пять тысяч долларов. Портер был арестован, правда, сразу выпущен под залог. Много лет спустя, уже в середине XX века, исследователи установили, что в банке кто-то поживился за спиной недотепы-кассира, свалив на него растрату.

Портер и не рассчитывал оправдаться в суде. Он обсудил с женой план побега, и она его одобрила. Билл решил уехать в Гондурас, откуда преступников не выдавали, а через три года истек срок давности по уголовным делам такого рода. На прощанье Этол отдала Биллу свои золотые часы.

— Может быть, в трудную минуту они тебе пригодятся, — сказала она...

...В конце января 1897 года Остин облетела сенсационная новость: Портер вернулся! Сначала он направился домой, а затем явился в полицию. Стражи порядка учли тяжелые семейные обстоятельства подсудимого и оставили его пока на свободе. Этол была сама не своя от радости. Казалось, даже болезнь отступила. Но потом наступило ухудшение, Этол медленно угасала и умерла на руках у мужа.

Портера судили. Ему советовали воспользоваться личным горем, признаться в хищении, но объяснить это смертельной болезнью жены. Но Билл молчал на суде и даже отказался от последнего слова. Присяжные сочли его бегство от суда косвенным признанием вины и вынесли вердикт «виновен». Правда, он получил минимальный срок — пять лет.

О-о! Генри!

В каторжной тюрьме города Колумбус, штат Огайо, его ждал изнурительный труд, душная камера без окон, карцер за малейшую провинность, а то и побои. Выручил диплом фармацевта — он стал работать в тюремной аптеке. А по ночам писал рассказы. Здесь, в тюрьме, он почерпнул множество новых наблюдений и сюжетов. Здесь родился один из первых рассказов, написанных, можно сказать, с натуры. Знаменитый взломщик рассказал ему, как однажды спас девочку, дочь банкира, случайно оказавшуюся внутри запертого сейфа. Его опознали, что называется, по почерку, и посадили в тюрьму. Но Портер изменил окончание истории. Сыщик, который много лет шел по следу взломщика, может зашелкнуть наручники на его запястьях, но... не делает этого. Сам преступник говорит:

«— Добрался-таки до меня! Ну что ж, пойдем. Теперь, пожалуй, уже все равно.

И тут Бен Прайс повел себя довольно странно.

— По-моему, мы с вами незнакомы...»

Когда Портер читал этот рассказ своим товарищам по несчастью, один из них, грабитель Рейдлер, прослезился.

— Черт побери, Портер, это впервые за мою жизнь. Разрази меня господь, если я знал, как выглядит слеза!

В этом рассказе Портер впервые применил прием «двойного финала» и впоследствии часто прибегал к нему: судьба, игра случая приводят героев к естественной развязке, но в последний момент человек совершает неожиданный поступок, который смешивает все карты на столе Фортуны. Иными словами, воля человека торжествует над силой судьбы. Так бывало и в жизни автора.

Разумеется, Портер не мог отправлять свои рассказы из тюрьмы, да еще под собственным именем — редакторы не стали бы печатать сочинения заключенного. Самые первые новеллы он подписывал разными псевдонимами и посылал их через знакомых на воле. Потом остановился на одном имени — О.Генри. Почему? Это имя буквально преследовало его. Еще в Остине в одном знакомом семействе жил ужасно бедовый кот по имени Генри. По его вине в доме постоянно что-то падало, разбивалось, разливалось, и повсюду раздавалось: «О-о! Генри!» Позднее, в Техасе, ему запомнилась ковбойская песенка:

Вернулся любимый в двенадцать часов.

— Скажи мне, о Генри, какой приговор?

Уже в тюремной аптеке писатель то и дело наткался на рецепты известного французского фармацевта Этьена-Оссиана Анри, сокращенно и в английском произношении — О.Генри. И, наконец, охранником в тюрьме служил некто Оррин Генри.

Кроме всего прочего, этот псевдоним звучал как ирландская фамилия, а писателю всегда нравились энергичные и немного сумасшедшие ирландцы. Они часто становились героями его новелл. (Кстати, в России долгое время псевдоним автора писали именно на ирландский манер: О'Генри.)

Подписывая очередной рассказ новым псевдонимом, писатель сказал:

— Я глубоко похороню Билла Портера. Никто никогда не узнает, что я столовался на каторге в штате Огайо.

За примерное поведение Портера освободили через три года и три месяца. Выходя за тюремные ворота, он произнес фразу, которую следовало бы написать известную услугу обществу, если бы общество выбирало, кого туда сажать.»

На свободу вышел другой человек — О.Генри.

Около года он прожил в Питсбурге с дочерью Маргарет и родителями жены. Редакторы газет и журналов настоятельно звали его в Нью-Йорк. В 1902 году О.Генри переехал в город, который называл потом «Вавилон-на-Гудзоне» и «Багдад-над-Подземкой». В первый год он опубликовал семнадцать рассказов. На следующий год владелец газеты «Нью-Йорк

О.Генри в кругу первой семьи, 1890 год

Уорлд» Джозеф Пулитцер заключил с О.Генри контракт: писать новеллу в каждый воскресный выпуск, гонорар сто долларов. Он стал известным и обеспеченным писателем, желанным автором для многих изданий. Дело в том, что читатели массовых газет и журналов не любили длинных текстов, философских рассуждений и трагических сюжетов. Новеллы О.Генри отвечали всем этим требованиям, но и не были примитивным чтивом: автор был и философом, наблюдающим жизнь с мудрой улыбкой, и поэтом, воспевающим любовь и природу негромким голосом, и, конечно, художником, мастером слова. Даже торпливость, с которой работал О.Генри, не сильно вредила его новеллам.

На одном дыхании

У писателя завелись деньги, но вот деньги не любили его, словно стремились поскорее улизнуть из его карманов, из его гостиничного номера. Он часто раздавал деньги нуждающимся, пропивал со случайными знакомыми. Брал авансы в редакциях и вновь оказывался в кабале.

Иной раз посыльный из редакции приходил за рукописью.

— Готов ли рассказ?

— Готов, готов, — отвечал О.Генри. И показывал чистый лист с цифрой «1» в верхнем углу. Затем нумеровал еще четыре. После этого говорил: — Ну, теперь я, с вашего позволения, передохну.

Передохнув и подкрепившись стаканчиком виски, О.Генри садился к столу и писал рассказ на одном дыхании, без исправлений. Счастливый посыльный хватал рукопись с непросохшими чернилами и несся в редакцию.

В 1904 году была опубликована первая книга О.Генри «Короли и капуста» — не роман и не повесть, а несколько новелл, объединенных настроением, местом действия, несколькими персонажами, появляющимися в разных эпизодах, — сам автор называл книгу «комедией, сшитой из пестрых лоскутков». Отсюда и диковинное название: оно взято из стихотворения Льюиса Кэрролла, помещенного в книге «Алиса в Зазеркалье»:

...О башмаках и сургуче,
Капuste, королях,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях...

В Англии и Америке книжки оключениях Алисы знают наизусть, поэтому сказать «короли и капуста» — это все равно, что в Италии сказать «тутти фрукти», а в России — «всякая всячина».

Затем начали выходить и сборники новелл О.Генри. Казалось, запас сюжетов автора неистощим. Новыми героями и героинями рассказов стали простые обитатели большого города: служащие, продащицы магазинов, официантки в заку-

сочных, бедные художники и просто опустившиеся люди, бродяги. Но под пером О.Генри они превращались в рыцарей и злодеев, золушек и дон-кихотов. Да и сам он иногда представлял себя Гаруном-аль-Рашидом, обходящим свои владения и собирающим дань в виде человеческих характеров и судеб.

«Одна из величайших книг в мире — это повседневная жизнь, — считал писатель. — Тот, кто смотрит на жизнь проницательным взглядом, сможет увидеть под тонким покровом повседневности романтические, трагические и комические представления, которые разыгрывают актеры — великие и малые, попирающие подмостки Вселенной».

Однако годы шли, писатель работал все медленнее. Тем больше ценились его новеллы, гонорары доходили до пятисот долларов за рассказ.

В 1905 году Пулитцер заказал О.Генри рождественский рассказ — лучше его никто не напишет. Писатель как всегда затягивал, посыльные возвращались ни с чем. Наконец, к нему пришел художник, которому заказали иллюстрацию к еще не существующему рассказу.

— Хотя бы скажите, о ком и о чем будет идти речь? — взмолился художник.

— Я скажу вам, что рисовать, дружище, — сказал О.Генри. — На кровати бок о бок сидят мужчина и женщина. Они говорят о приближающемся Рождестве. Мужчина вертит в руках футлярчик от карманных часов. У женщины... А впрочем, вы прилягте тут на кушетку, рассказ скоро будет готов.

О.Генри налил себе шотландского виски и погрузился в работу. Так рождался лучший рождественский рассказ «Дары волхвов»: о двух любящих супругах, о том, как жена остригла и продала свои роскошные волосы на парик, чтобы купить мужу золотую цепочку для часов, а муж продал свои золотые часы, чтобы купить жене набор черепашьих гребней... Эти дары ценнее золота, драгоценностей, ладана и смирны. Любовь и преданность вообще бесценны.

Вероятно, задумывая эту новеллу, О.Генри вспомнил золотые часики, подаренные ему женой в час расставанья... А вообще он не любил писать о той, прошлой своей жизни. Но она сама порой вторгалась в настоящее.

Двойной финал

Как-то раз О.Генри встретил своего давнего друга Эллу Дженнингса.

— Что поделяваешь, старина? — спросил Эл.

— Скрываюсь, — ответил О.Генри.

— Как, опять?! Ты же свое отсидел.

— Не от закона. Хуже. От женщины!

История такова: жила-была в Гринсборо девушка Салли. Очень ей нравился ученик аптекаря Билл. Особенно ей нравилось слушать его рассказы, смотреть, как он потешно изображает знакомых горожан. Однажды за каретным сараем Билли поцеловал Салли... А потом он уехал. Далеко, в Техас. Рассказывали, что Билл вляпался в дурную историю, и его посадили в тюрьму... Салли так и не вышла замуж, переехала в Эшвилл, думала, забудется... И вот однажды, читая рассказ какого-то О.Генри, она словно увидела знакомых людей из родного городка, будто услышала интонацию Билла Портера.

Салли Коулмен написала письмо в редакцию, его передали О.Генри. Он не хотел будить призраков прошлого, да к тому же опасался, что всплывут темные пятна его биографии. Но Салли была настойчива. Так настойчива, что О.Генри вступил в переписку. А затем и встретился с любовью юных лет.

Эл Дженнингс увидел О.Генри год спустя. Сказал другу, что зачитывается его рассказами. И спросил:

— Ну, ты разобрался с той женщиной, от которой скрывался?

— Да, с ней покончено, — хладнокровно ответил О.Генри.

— Ты ее убил?!

— Нет, женился.

Действительно, в 1907 году О.Генри женился на Салли Коулмен. Он уехал с ней в Эшвилл, взял с собой дочь. Салли полюбила Маргарет как родного ребенка.

Но писатель не ужился в семье и вскоре вернулся в Нью-Йорк. Он по-прежнему писал рассказы для газет и журналов, они выходили сборниками. Но работа шла все тяжелее, О.Генри много пил, иногда по две бутылки виски в день. У него был цирроз печени и диабет. Однажды он подхватил воспаление легких, его забрали в больницу, но ослабленный организм не справился с болезнью. О.Генри умер на сорок восьмом году жизни, пятого июля 1910 года.

Говорят, во время панихиды в церковь ввалилась веселая свадебная компания.

— Тише! Тише! — замахали на них руками.

— Кого провожают? — спросил жених.

— О.Генри.

Молодые тихо встали у гроба и перекрестились.

Казалось бы, смерть не терпит двойного финала. О.Генри нарушил и этот закон жанра.

***

Что бы мы делали без старого доброго О.Генри! Для читателей-подростков его новеллы служат мостиком между приключенческой и серьезной литературой. Да и в становлении американской литературы он был необходимым звеном, как бы завершающим эпоху Марка Твена и открывающим дверь в двадцатый век. А вот, поди ж ты, госпожа Высокая Литература не признает заслуг О.Генри. В многотомном издании «Всемирной литературы» ему не нашлось места.

Зато на родине О.Генри в городе Гринсборо есть музей писателя, там установлены скульптура автора и огромная каменная книга, раскрытая на рассказе «Дары волхвов». Еще в 1918 году в США учредили литературную премию О.Генри за лучший рассказ, ее лауреатами становились Уильям Фолкнер, Джон Апдайк, Вуди Аллен, Стивен Кинг.

В 2012 году исполнилось 150 лет со дня рождения О.Генри. Вышли новые издания его сочинений, были опубликованы новые материалы о жизни и творчестве короля новеллы. Возможно, они приоткрыли завесу тайны над некоторыми поворотами его судьбы. Но он навсегда останется для нас писателем, которого никто не смог заменить.

Дух, характеры и сюжеты О.Генри питают новые поколения веселых рассказчиков. Читая в «Королях и капусте» про Анчурию и анчурицев, невольно вспоминаешь про Эндурию и эндурцев из романа в рассказах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера. ■

НЕИСТОВЫЙ ШЕВАЛЬЕ

Сергей МАКЕЕВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

История поэта и воина Агриппы д'Обинье

Несколько лет назад я рассказывал читателям «Совершенно секретно» о необычной литературной мистификации. Два заключенных ГУЛАГа, Юрий Вейнерт и Яков Харон, придумали французского поэта XVI века Гийома дю Вентре, сочинили ему героическую биографию, написали за него целый цикл сонетов «Злые песни». Вымышленный поэт и его стихи стали известны среди любителей поэзии, даже некоторые специалисты клюнули на мастерскую выдумку. Но Вейнерт и Харон, в отличие от других мистификаторов, не стремились исключительно к розыгрышу. Их вымышленный герой помогал авторам выживать в нечеловеческих условиях.

Эта мистификация оказалась с двойным дном: у Гийома дю Вентре был реальный прототип — французский поэт и воин Теодор Агриппа д'Обинье.

Во имя веры

Д'Обинье поздно обзавелся семьей. Как многие немолодые отцы, он не умел общаться с детьми. Когда же сын Констан, дочери Мария и Луиза подросли, отец усадил их перед собой и заговорил:

— Я не рассказывал вам сказок, потому что в моем детстве я их тоже не слышал. Настало время поведать вам историю моей жизни. Может быть, вы поймете своего отца и простите его суровый нрав: все слезы я пролил много лет назад, а улыбки раздал и того раньше...

Я родился в 1552 году в благородной семье Жана и Катарины д'Обинье. Матушка моя ужасно мучилась при родах, бедняжка испустила дух, едва услышав мой первый крик. Поэтому меня назвали Агриппой, что значит по-латыни «рожденный в страданиях». Однажды, когда мне было лет шесть, я лежал в своей постели без сна, как вдруг в комнате появилась смертельно бледная женщина, бесшумно откинула полог, поцеловала меня в лоб и тотчас исчезла. Я до сих пор ощущаю ледяной поцелуй на моем челе. Впоследствии множество раз меня охватывало отчаяние при мысли, что я был невольной причиной смерти матери...

Отец нанимал для меня лучших учителей, приглашал их даже из Парижа. В семь лет я уже читал, писал и говорил на четырех языках, перевел с греческого один из диалогов Платона. Да, у меня были задатки ученого, философа, но Бог судил иначе...

Мой отец был убежденный гугенот, один из вождей протестантов. В восемь с половиной лет он взял меня с собой в Париж. С нами ехали около двадцати дворян, разделявших наши убеждения. Проезжая город Амбуаз в ярмарочный день, мы увидели страшное зрелище: на площади возвышался залитый кровью помост, на котором были выставлены головы только что казненных дворян-гугенотов; тела их товарищей простого звания болтались на виселице. Их казнили по ложному обвинению в заговоре против короля. Мой отец воскликнул: «Палачи! Они обезглавили Францию!» Потом он возложил руку на мою голову и сказал: «Дитя мое, когда упадет и моя голова, не дорожи своею, чтобы отплатить за этих достойных вождей нашей партии. Если ты будешь щадить себя, да падет на тебя мое проклятие!» При этих словах нас начали окружать горожане-паписты, возмущенные такими речами. Но мы дали шпоры коням и прорвались сквозь толпу этих фанатиков.

В Париже я учился у мудрейшего Матье Бераальда и жил в его доме на полном пансионе. Но в апреле 1562 года гугеноты под командованием принца Конде штурмом взяли Орлеан, и началась настоящая вой-

на. По королевскому эдикту гугенотов преследовали и изгоняли из Парижа. На самом же деле их грабили, убивали и даже сжигали. Мой учитель Бераальд велел нам взять с собой самое необходимое и готовиться к бегству. Я в последний раз бросил взор на его прекрасную библиотеку, и слезы невольно брызнули из очей. Заметив это, Бераальд сказал: «Гордитесь, юноша: в вашем юном возрасте вам выпала честь потерять кое-что ради того, кто все это вам даровал!»

Поздно ночью наш маленький отряд — Бераальд, его жена, их сын, я и двое слуг — тайно выбрались из Парижа. Мы направились в Орлеан, минуя города. Но отряды католиков подстерегали спасающихся бегством гугенотов на всех дорогах. Мы нарвались на отряд легкой конницы под командованием шевалье д'Ашона, уже прославившегося грабежами и насилиями. Нас допрашивал инквизитор, меня отдельно от остальных; его взбесили мои твердые и простодушные ответы. Взглянуть на меня пожелал и командир сотни. «Вы все осуждены на сожжение, — сказал мне д'Ашон. — Но ты еще можешь спастись, если отречешься от ереси». Я ответил: «Католическая месса для меня страшнее костра».

В ночь перед казнью мы молились, как вдруг дверь тихо отворилась и вошел стороживший нас дворянин. Он поцеловал меня в щеку и прошептал: «Я слышал твои слова, и могу сказать, подобно Христу: вера твоя спасла тебя. Я либо погибну, либо выведу вас отсюда, ради этого отрока!» Бераальд обещал офицеру, что его с честью примут в Орлеане, а мой отец возьмет его на службу. В полночь офицер вернулся с двумя единомышленниками и провел нас мимо стражи.

Много опасностей подстерегало нас в пути, однажды мы попали под огонь аркебуз, но Бог нас хранил, и мы достигли Орлеана. Мой отец, один из командующих обороной, устроил нас в хорошем доме, хотя весь город был наводнен беженцами.

И тут разразилась чума. За полгода умерли тридцать тысяч человек. Я тоже слег и метался в бреду, затем заразились еще четверо в нашем доме, в том числе кроткая госпожа Бераальд. Вскоре заболел даже лекарь, пользовавшийся нас. Только в ноябре 1562 года чума отступила.

В это время солдаты моего отца захватили в плен шевалье д'Ашона, нашего мучителя. Солдаты позвали меня посмотреть на пленника. Они подстрекали меня к ругательствам и издевкам, но я сказал только: «Вы бесчеловечны, сударь!» Оскорбляя поверженного, я бы уподобился этому грабителю и насильнику.

В боях за Орлеан мой отец не раз ходил в рукопашную, и в одном бою получил удар копьем под кирасу. Едва оправившись от раны, он принял участие в мирных переговорах с католиками, и даже был назначен докладчиком по делам гугенотов в королевском совете. Но силы оставляли его. Отец позвал меня и сказал: «Помнишь ли мои слова, произнесенные перед плахой в Амбуазе? Люби Бога, науки и своих товарищей», — и поцеловал меня, чего никогда не бывало прежде. Он уехал, но в пути рана его открылась, и отец скончался — как раз в этот треклятый Амбуаз.

Три года я учился в Орлеане, затем мой родственник, назначенный опекуном, отправил меня продолжать образование в Женеву. Там я учился в коллеже еще два года, читал труды раввинов на древнееврейском, легко слагал латинские стихи. Но, в конце концов...

Д'Обинье запнулся. Он решил умолчать о том, как бежал из коллежа. Учеба ему уже приелась, кроме того, в коллеже процветал разврат. Впоследствии д'Обинье слышал, что одного юношу из женевского коллежа, Бартоломе Тесья, казнили за содомский грех — утопили в Роне. Не стал он говорить и о том, как в Лионе бес противоречия толкнул его от богословия к изучению астрологии и

магии. Измученный сомнениями, без родных, друзей и без гроша в кармане он оказался на мосту через Сону и был уже готов броситься вниз, но решил напоследок прочитать молитву. И когда произнес последние слова «жизнь вечная», его окликнул всадник. Это был его кузен де Шийо, прибывший с деньгами и прощением от опекуна. С тех пор д'Обинье окончательно уверовал в Провидение.

— Ну, что же было дальше? — спросил Констан с нетерпением.

— Война, мои милые, снова война между католиками и протестантами, — продолжал свой рассказ д'Обинье. — Я жил в доме опекуна в Сентонже как настоящий затворник: опекун даже уносил на ночь мою одежду из спальни, чтобы я не убежал сражаться! Однажды неподалеку остановились на привал аркебузиры под командованием капитана Сен-Ло. Вечером я видел, как они тушат костры, слышал, как селят лошадей. Я связал простыни и спустился из окна в одной ночной рубашке, перелез через две стены, в полной темноте чуть не свалился в колодец, но все-таки догнал отряд. Капитан и солдаты с изумлением смотрели на меня: в белом балахоне с израненными в кровь ногами я, должно быть, походил на святого мученика. Господин Сен-Ло хотел сначала отправить меня обратно к опекуну, но потом усмехнулся: «Ладно, пусть это привидение пугает папистов!» — и посадил меня на лошадь у себя за спиной.

Буквально в одном лье от Сентонжа мы увидели роту папистов, и наш отряд сходу атаковал врага. В этом бою я добыл себе аркебузу и боеприпасы, но побрезговал взять хоть что-нибудь из одежды. Только когда наш отряд присоединился к армии принца Конде, мне выдали обмундирование, и я стал полноправным солдатом.

Зимний поход был очень тяжелым, мы вязли в грязи, мерзли в болотах, никогда не ели досыта и всегда недосыпали. А стычки, сражения и штурмы были столь ожесточенными, что я не раз вспоминал Псалом царя Давида: «Неукротимый человек укрощен будет страданиями...» Мою храбрость заметил сам принц Конде и послал ко мне своего придворного с предложением служить в свите. Я посчитал такое предложение оскорбительным в самый разгар войны, да и посланец держал себя так заносчиво, что я ответил: «Занимайтесь лучше своим делом — содержанием псов и лошадей принца!»

Вскоре погиб славный принц Конде, нашу армию возглавил адмирал Гаспар де Колиньи. В сражениях участвовал и Генрих Наваррский, будущий король Франции. Именно тогда мне впервые поручили командование отрядом из двадцати аркебузиром. С этими молодцами в бою при Жонзаке мне удалось опрокинуть две роты итальянцев-наемников. В дальнейшем я командовал первой ротой конных аркебузиром и не раз выручал весь наш полк.

После взятия города Понса вновь был заключен мир. Но незалеченные раны и жесточайшие приступы лихорадки свалили меня. Я был оставлен на излечение в замке Тальси. Здесь меня настигла, как гроза, первая любовь. У хозяина замка шевалье Сальвиати была красавица-дочь Диана. Я вынужден был таить свое чувство — для вельможного рода Сальвиати я, простой дворянин, был все равно что мужлан, пахнувший лошадиным потом и дымом бивуачных костров. Но, главное, мы были разных вероисповеданий. Итак, уста мои были немые, но сердце не могло молчать, и я сочинил цикл сонетов «Жертвоприношение Диане». Оказалось, что Диана — племянница Кассандры Сальвиати, которую воспел в своих сонетах наш кумир — поэт Ронсар. В книге «Любовь к Кассандре» король поэтов, глава Плеяды, писал:

Любя, клян, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою моею.
Ронсар упивался своей любовной
мукой, но находил в ней удовольствие.
Моя боль неразделенной любви была
сродни кровоточащей ране. Вот что я
чувствовал тогда:

Врагами окружен со всех сторон,
Я взоры закалил пролитой кровью;
Держу пицаль поближе к изголовью
И мига жду внезапных оборон...
Прости же мне, богиня, что любовный
Мой стих, неловкий часто и неровный,
Пороховым окурен весь огнем...
Да, сам Ронсар хвалил мои сонеты,
хотя ему непривычно было слышать в
них не журчанье ручейка, а скорее звон
оружия...

Я уехал из Тальси в Париж, надеясь на
быстрое возвышение, которое уравнило
бы меня в знатности с родом Сальвиати...

Кровавая свадьба

— Королевский двор, весь Париж готови-
лись к свадебным торжествам, — расска-
зывал д'Обинье. — Молодой король
Наварры Генрих Бурбон женился на
принцессе Маргарите Валуа, которую
уже тогда многие называли «королева
Марго». Правивший король Карл IX и
королева-мать Екатерина Медичи заяв-
ляли, что брак короля-протестанта с
принцессой-католичкой примирит
враждующих. Был оглашен королевский
ордонанс, запрещающий в дни торжеств
любые стычки по религиозным причи-
нам. Но я не верил в добрые намерения
католиков, чувствовал, что мы в Париже
как в западне.

Свадьба состоялась, однако... Я видел
змеинные ухмылки семейства Гизов —
предводителей фанатиков-папистов. На
улицах и даже в самом дворце нас, гуге-
нотов, оскорбляли, намеренно втягивали
в драку. Однажды на улице я не стерпел и
вызвал обидчика на дуэль. Едва мы обна-
жили шпаги, как появилась стража.
Обороняясь, я ранил сержанта, и мне
пришлось бежать из Парижа. Бог снова
спас меня.

Это было в канун дня святого Варфо-
ломея. В полночь грянул колокол, и воо-
руженные католики набросились на без-
защитных гугенотов. Их убивали на ули-
цах, в их домах, в самом дворце. Трупы
сбрасывали в Сену, и вскоре река стала
кровавой. Был убит наш полководец
адмирал де Колиньи. Генрих Наваррский
уцелел только благодаря заступничеству
молодой жены.

Такая же резня началась и вокруг
Парижа — города Тур, Амбуаз, Божанси,
Блуа, Орлеан были разграблены, две
тысячи гугенотов убиты. Мне удалось
собрать отряд из восьмидесяти человек,
мы двинулись к Парижу без определен-
ного плана. А навстречу нам шли опын-
ненные кровью убийцы. В бою мы бра-
лись за руки, чтобы каждый видел
доблесть или трусость товарища. Так мы
выступили против шестисот папистов и
спасли город Мер от уничтожения.

Впечатления этих дней, рассказы уце-

Во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года в Париже католики убили несколько тысяч гугенотов

левших очевидцев уже тогда складыва-
лись в стихи, но я их не записывал, носил
в сердце и в памяти.

Нет, это не война. Там грудь броней
прикрыта,

Там сталь поверх одежд — надежная
защита,

Здесь отбиваются лишь криком да
рукой,

Один вооружен, но обнажен другой...

В темницах, во дворцах, в особняках
вельмож,

Везде идет резня, гуляет меч и нож...

Когда я пробрался в Париж, картины
кровавого пиршества еще сотрясали
душу — трупы не убраны, кровь не замы-
та. Даже Сена еще не унесла своих мерт-
вецов — они скопились под опорами
мостов. Я видел два тела, сплетенных в
смертельном объятии.

Обмотана коса вокруг скобы в устье
Злосчастного моста.

И странной красотой

Застывший бледный труп мерцает под
водой...

Она ждала к себе возлюбленное тело,
К супружеской груди она прильнуть
хотела...

И вот он сброшен вниз, где мертвая
супруга,

Качаясь на волнах, ждала на помощь
друга...

А королева-мать со всей своей оравой
Отправилась глядеть плоды
резни кровавой.

— Я направился в Ла-Рошель, — про-
должал д'Обинье, — это был главный
оплот протестантских сил. Около одной
деревенской гостиницы меня узнал офи-
цер-католик. Он направил на меня свое-
го арабского скакуна и сбил с ног, но я
вскочил и нанес удар шпагой под кирасу.
Мой противник упал с коня, мы продол-
жили драться на земле, я победил, но

получил две глубокие раны. При-
глашенный лекарь нашел их опасными.
Несмотря на его запрет, я приказал отне-
сти себя в замок Тальси, чтобы умереть у
ног любимой. Но... моя горячность не
растопила холодность Дианы, а ее род-
ные решительно отказали мне даже в
надежде... На прощанье я получил от
любимой прядь ее чудесных темных
волос. Я приказал сплести из них браслет
и всегда носил его на правой руке.

— Почему именно на правой? — спро-
сила Мария.

— Потому что в правой руке я держал
шпагу. Моя шпага всегда охраняла этот
дорогой для меня амулет.

В клетке Павлина

— В это время Генрих Наваррский был в
Лувре пленником или, точнее, заложни-
ком, — рассказывал д'Обинье. — Ему посо-
ветовали привлечь меня в свиту. «Я слыш-
шан о его славном отце, а каков сын?» —
спросил Генрих. «Это человек, который
ничего не боится», — сказали ему. Так я
получил придворную должность оруже-
носца. Мы с Генрихом были сверстника-
ми, и некоторое время нас связывала
настоящая дружба. От Генриха Наварр-
ского добились возвращения в католиче-
скую веру, но это была вынужденная уступ-
ка. Генрих часто давал мне секретные и
опасные поручения, фактически я был
связным между ним и гугенотами страны.
Королева-мать содержала до тридцати
шпионов и кое-что знала о моей тайной
миссии; однажды, встретив меня во двор-
це, она прошипела: «Вы похожи на своего
отца!» Я ответил с учтивым поклоном: «И
слава богу, если это так!»

Меня не любили при дворе. Я был сли-
шком прямодушен, тверд в своих убежде-
ниях и не скупился на резкие оценки.
Однажды три фрейлины королевы — им
вместе было лет полтора — стали
посмеиваться надо мной, намекая, что
таким простофилям не место в Лувре.
«Что это вы здесь созерцаете?» — прогну-
савила одна из них. Я так же гнусаво ей
ответил: «Древности двора, сударыня!..»

...Тут девочки засмеялись и захлопали
в ладоши. Отец шутливо погрозил им
пальцем:

— Смотрите, никогда так не говорите
дамам в возрасте! — и продолжал: —
Такому, как я, трудно ужиться при дворе.
Царе-дворцу надобно иметь гибкую спи-
ну, уметь угождать господину, любить
красоваться. Я в те поры набросал такой
сонет о придворной жизни:

Едва Павлин свое распустил оперенье,
Сверкающим хвостом любуйся, пти-
чий двор!

Придворный Кавалер, ферт, щеголь и
позер,

От самого себя в великом восхищенье.

А за душой пустяк! Дойдет ли до сра-
женья,

Где храбрость их, где пыл, где ратный
их задор?

От первого ж врага сбегут во весь опор,
Не ведая стыда, забывши униженья.

Конечно, и у меня бывали тогда увле-
чения и приключения, то забавные, то
опасные. Но я лишь прикидывался «сво-
им». Я тайно готовил побег Генриха
Наваррского. Кроме меня в заговоре уча-
ствовали еще двое дворян. Мы покля-
лись никогда и никому не открывать
обстоятельств побега, и я верен данному
слову поныне. Всем известно лишь одно:
пятого февраля 1576 года нам удалось
вывести Генриха Наваррского из Парижа.

Вскоре к Генриху присоединилась
королева Марго, затем его свита, и обра-
зовался «кочевой двор», впоследствии он
обосновался в замке Нерак на берегу
Гаронны. Здесь установились такие же
нравы и правила, какие царили в Лувре.
Я, как оруженосец, всегда сопровождал
своего государя, увы, частенько и в его
любовных похождениях. Однажды ночью
на нас напала шайка каких-то бродяг, и я
один, со шпагой и кинжалом, спас коро-
ля. Но я осуждал Генриха и заявлял, что
не желаю прослать его сводником. Кроме
того, я был против любых переговоров с
католическими попами. Моя прямота и
сплетни придворных интриганов отда-
лили нас друг от друга.

До поры я все прощал Генриху На-
варрскому, потому что он вернулся в
нашу веру, был нашим гугенотским коро-
лем. Полки протестантов вновь развер-
нули знамена, и я все чаще оставлял двор,
чтобы участвовать в важнейших битвах.
Я всегда шел впереди моих солдат, пока-
зывая всем свое презрение к смерти. В
бою при Марманде я был тяжело ранен;
врачи считали, что дни мои сочтены. Ко

**Король Франции Генрих IV Бурбон
и две его жены (на первом плане):
первая — Маргарита Французская Валуа
(королева Марго) и вторая — Мария
Медичи**

мне пришел местный судья, чтобы составить завещание. «Запаситесь чернилами и пишите», — сказал я ему. И начал диктовать главы «Трагических поэм»:

Лик скорбной Франции изобразить мне надо:

В объятьях матери свирепо бьются чада...

Но Господь и на этот раз пощадил меня. Я вернулся ко двору Генриха Наваррского, как с того света, и был принят холодно, как покойник. В конце концов я стал просить об отставке. В письме королю я напомнил, «что рука, которая вам это пишет, открыла засовы вашей тюрьмы и, служа вам, осталась свободной от благоденствий...»

В тот же день я увидел старую бродячую собаку и узнал недавнюю любимицу короля, она часто лежала у наших ног. Теперь ее выгнали вон, и она подыхала от голода. Я велел ее накормить, вымыть и расчесать, а на завтра подвести ее к королю. К ошейнику я привязал наскоро сочиненный сонет. Генрих с удивлением развернул послание и, конечно, узнал мою руку.

Сир! Этот верный пес, который с вами встарь

В покоях ваших спал, на королевском ложе,

Спит нынче на камнях. Однако кто мог строже

Чутьем распознавать, где друг и где бунтарь?

...Придворные! Зачем вы гоните сурово Пса изнемогшего без пищи и без крова?

Такая благодарность ждет за службу вас. Мне говорили, что, прочитав эти стихи, Генрих изменился в лице. Он сказал, что все еще считает меня своим верным подданным, что он прикажет вернуть меня...

Но я был уже далеко. Я намеревался продать свое имущество и снова взяться за оружие.

Честь и благородство

Проезжая город Сен-Желе, я увидел в окне девушку, чья красота поразила меня. Это была Сюзанна де Лезе, моя будущая жена и ваша мать, дети. Мы так любили друг друга, и наши сердца зачастую обходились без слов. Когда мне случалось вспомнить Диану Сальвиати, Сюзанна тотчас догадывалась об этом и страдала. Я даже написал об этом сонет:

Сюзанна слышала: вздыхал я по Диане,

И вдруг заплакала, но тщетно: рядом с ней

Мои стенания звучали все сильнее...

Немного времени мы проводили вместе. Мой долг звал меня то на войну, то к моему королю. Я командовал бригадой конницы, моих всадников прозвали «албанцами» — они почти не покидали седел, а в бою были настоящими дьяволами.

В 1580 году Генрих Наваррский снова призвал меня к себе и встретил почти по-родственному. Вскоре я снова спас его. Один дворянин, испанский офицер-наемник Лоро попросил аудиенции у короля. Я как раз находился в его покоях. Лоро сказал, что хочет вручить королю некое важное послание, но вместо письма вдруг выхватил кинжал. Я мгновенно встал между ним и королем, перехватил руку убийцы и скрутил его.

Когда я вернулся ко двору, королева Марго была со мной подозрительно ласкова. Вероятно, она в это время притворялась, что не знает моего имени. Я не только не поддавался на ее чары, но и не скрывал своего отношения к ее легкомыслию. С тех пор Марго постоянно чинила мне козни, наговаривала на меня королю и наконец на коленях умоляла удалить меня от двора. И Генрих уступил — о, что с нами делают женщины! Правда, мне он шепнул, что делает это только для виду.

А я с легким сердцем снова отправился воевать. Причем на этот раз я сражался не только на суше, но и на море — захватил остров Олерон, прикрывающий с моря подходы к Ла-Рошели. Меня назначили губернатором Олерона, но недолго я там правил. Мне пришлось отправить свой отряд на подмогу нашим в Сенту, а в это время католики под командованием шевалье Сен-Люка высадились на Олерон. Я оказался в плену, Сен-Люк лично отвез меня в тюрьму города

По преданию во время резни гугенотов королева Марго спасла Генриха Наваррского в своей спальне

Бруажа. Этот благородный дворянин относился ко мне с глубоким уважением. Я обратился к нему с просьбой отпустить меня на несколько дней в Ла-Рошель; я поклялся, что вернусь в тюрьму в воскресенье к пяти часам вечера. Моего слова Сен-Люку было довольно, и меня отпустили. И вот в воскресенье утром в Ла-Рошель прибыл нарочный от Сен-Люка с известием: из Парижа прибыл отряд королевских войск с приказом доставить меня к королю, дабы предать смерти. Что было делать?

— Не возвращаться в тюрьму! — воскликнул Констан.

— И нарушить слово чести? И подвести под суд благородного Сен-Люка? — д'Обинье покачал головой. — Нет, я не мог так поступить. Друзья в Ла-Рошели буквально повисли на мне, но я вырвался и вернулся в тюрьму.

Вы были тогда совсем еще крошками и наверняка остались бы сиротами, но милосердный Бог сотворил чудо: как раз в это время наши войска захватили королевского наместника, состоялся обмен пленниками, и я вернулся к своим.

Этот случай заставил меня о многом задуматься. Такие люди, как Сен-Люк, тоже идут на смерть за веру! А если я и мои единоверцы заблуждаемся? Я обложился книгами и шесть месяцев изучал спорные вопросы, расхождения между католиками и кальвинистами, аргументы богословов с той и с другой стороны. Шесть месяцев я не поднимал головы от книг — и только утвердился в своей вере. С тех пор не было в нашей партии более опытного и знающего полемиста, чем я.

Исполненный долг

— Как же Генрих Наваррский стал королем Франции? — спросила Луиза.

— А вот как, слушайте. Первого августа 1589 года фанатик-католик смертельно ранил последнего короля из династии Валуа. Умирающий призвал к себе Генриха Наваррского, чтобы признать его наследником престола, первым королем из династии Бурбонов. В эту опасную поездку Генрих Наваррский взял меня с собой. Отправляясь во дворец, мы, наученные горьким опытом, надели под камзолы кольчуги и панцири. Начались переговоры о признании нового короля, католики требовали от Генриха отречения и покаяния. Генрих Наваррский запер меня в одной из комнат дворца, чтобы я своим упрямством не мешал ему.

Католическая знать объединилась в

Католическую лигу, не признававшую нового короля Генриха IV и наших прав на свободу вероисповедания. В руках лиги оказался Париж и многие города. Война вспыхнула с новой силой. Надо сказать, Генрих IV сражался храбро и часто сам водил войска в атаку. В битве при Иври он укрепил белый султан на шлеме, чтобы все его видели издали. Когда же его солдаты начали отступать, он закричал: «Если вы не хотите сражаться, посмотрите хотя бы, как я буду умирать!» Пристыженные этими словами, отступавшие бросились на врага и победили.

Однако Генрих все чаще задумывался об окончательном переходе в католичество. Многие вельможи подбивали его на этот шаг. Большое влияние на короля оказывала его любовница Габриэль д'Эстре, убежденная католичка. Наконец, Генрих принял роковое решение и отрекся от своей веры. «Париж стоит мессы», — сказал он. И после этого был признан всеми как полноправный монарх.

Я считал своим долгом остановить действия Генриха. В те дни я носил траур по моей дорогой супруге и вашей матери. В таком душевном смятении я встретился со своим королем. Он начал говорить о своих былых заслугах и перенесенных лишениях. Он показал мне шрам на губе — след от недавнего покушения. Я сказал: «Государь, пока вы отреклись от Бога только губами, и он поразил ваши уста, но когда вы отречетесь от него в сердце своим, он пронзит вам и сердце!»

Мои слова остались втуне. Но не зря мне приписывают пророческий дар: вот увидите, король Генрих IV погибнет, пораженный в грудь!

Я участвовал во многих собраниях гугенотов, и к моему голосу всегда прислушивались. Меня стали называть «совестью партии», единоверцы поручили мне совместно с католиками работать над законом о веротерпимости. Он рождался в муках и ожесточенных спорах. Я не скрывал, что хотел добиться для гугенотов «государства в государстве». Это мое крылатое выражение затем часто употребляли как друзья, так и враги. В конце концов в 1598 году был принят Нантский эдикт, гарантировавший гугенотам свободу вероисповедания и безопасность, хотя и временно, и со многими ограничениями. Но это был первый закон о религиозной терпимости.

После этого я счел свой долг солдата и христианина исполненным и удалился сюда, в Майезе, чтобы посвятить себя воспитанию детей и написанию книг...

...Д'Обинье расцеловал детей и велел

няньке уложить их спать. А сам поднялся в свой кабинет, взял чистый лист и написал сверху заглавие: «Жизнь, рассказанная его детям».

На покое

Он недолго вел спокойную жизнь писателя и отца семейства. Участвовал в религиозных съездах и диспутах, бывал при дворе и давал советы королю, защищал города и крепости гугенотов.

В 1610 году сбылось пророчество д'Обинье: король Генрих IV был заколот кинжалом. В это время д'Обинье лежал больной в постели, ему сообщили, что король смертельно ранен в горло. Д'Обинье возразил: «Не в горло, а в сердце». И действительно, убийца нанес смертельный удар в грудь.

Стареющий отец выдал замуж обеих дочерей и был согрет их семейным счастьем. Но вот сын Констан причинял ему много страданий — раб низменных страстей, он был готов ради честолюбия, денег и удовольствия предать и отца, и веру.

В 1616 году увидели свет «Трагические поэмы» Агриппы д'Обинье. Уже в следующем году он начал писать сатирический роман о придворной жизни «Приключения барона де Фенеста». В 1618 году появился первый том «Всеобщей истории», в которой д'Обинье подробно описал жестокое противостояние католической и протестантской церквей.

Непримиримость д'Обинье, бескомпромиссность его книг привели к тому, что высокопоставленные недоброжелатели лишили д'Обинье королевской пенсии. А в 1620 году его «Всемирная история» была сожжена на Гревской площади Парижа. Впоследствии и молодой король Людовик XIII опасался старого упрямца. И не напрасно: д'Обинье принял участие в заговоре против королевского фаворита де Люиня. Старому бунтарю пришлось бежать в Женеву.

Там его встретили триумфально как героя протестантского сопротивления. Здесь он издал все свои прежние произведения, написал и публиковал новые. В начале 1620-х годов он продолжил писать «Жизнь, рассказанную его детям» и окончил рукопись перед самой смертью.

Гугеноты во Франции не без оснований опасались за свою безопасность, часто звали д'Обинье командовать их отрядами. Но он уже отказывался воевать, зато был непревзойденным организатором обороны, строителем укреплений. В 1622 году он так укрепил Ла-Рошель, что впоследствии вся французская армия не могла ее взять.

Во время нескончаемых войн д'Обинье часто вел переговоры и приобрел немалый дипломатический опыт. Поэтому гугенотские общины поручили ему организовать общеевропейскую коалицию протестантов. Этот проект так напугал Париж, что д'Обинье снова обвинили в заговоре против Франции. Друзья из Парижа предупреждали, что отдан секретный приказ об его устранении. У д'Обинье были основания опасаться подосланных убийц.

В 1623 году д'Обинье еще раз женился — на вдове Ренате Бурламаки из уважаемой семьи итальянских негодяев. Перед свадьбой он, однако, решил честно рассказать невесте о своей репутации, об опасностях, которые его подстерегают. Рената выслушала его и ответила: «Я счастлива, сударь, участвовать с вами в борьбе за Бога и веру; что соединил Бог, не разведет и человек».

Вскоре семнадцатый век окончательно вступил в свои права: уже прибыли в Париж герои нового времени — д'Артаньян и Сирано де Бержерак. Эпоха д'Обинье завершилась. И он умер девятого мая 1630 года на Ратушной улице Женевы, в доме, где прожил последние годы с женой Ренатой. На этом доме установлена мемориальная доска. Именем д'Обинье названа одна из улиц Парижа.

Он не заготовил себе эпитафии, но, пожалуй, строки из вступления к «Трагическим поэмам» могли бы ее заменить:

Пускай угаснут мой черед,
Но ты живи, мое создание,
Когда родитель твой умрет.

Блудный сын, прекрасная индианка и веселый аббат

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Я рассказал в предыдущем материале об удивительной судьбе французского поэта и воина Агриппы д'Обинье. Кипучая кровь неистового гугенота передалась по наследству. Его сын Констан д'Обинье был яркой личностью, но, увы, негодяем. Однако родовые черты часто проявляются через поколение. Внучка д'Обинье стала одной из самых известных и влиятельных женщин своего времени.

Если кто-нибудь ненароком спрашивал старика д'Обинье о его сыне Констане, отец сокрушенно вздыхал и говорил:

— Бог не хочет, чтобы его милость переходила по наследству! — и на глазах старика всякий раз наворачивались слезы.

Констан был красив, умен и талантлив. Но порочные наклонности и тяжелый характер сделали его сущим наказанием для семьи. С ранних лет отец нанимал ему лучших учителей и наставников, даже переманивал педагогов из первых домов Франции, но все не шло Констану впрок. Когда отец отправил сына учиться в коллеж, тот и вовсе забросил учебу, зато познакомился с бутылкой и азартными играми. Отец решил послать Констана за границу, наивно полагая, что в Голландии местные протестанты наставят его на путь истинный. Куда там! В Амстердаме юноша продолжил свое образование преимущественно в борделях. Вскоре Констан вернулся домой, обремененный долгами, но не раскаянием.

В Ла-Рошели он сошелся с молодой вдовой Анной Моршан, она была хороша собой и довольно состоятельна. Дело шло к свадьбе. Услышав об этом союзе, д'Обинье-отец воскликнул:

— Несчастливая женщина! Она идет навстречу гибели!

Пророческий дар старика был всем известен; он в свое время предсказал обстоятельства гибели короля Генриха IV.

В общем, отец не благословил этот брак. Но Констан все равно женился, хотя этим шагом сам себя лишил наследства. Однако деньги вдовушки буквально жгли руки, и молодожен пустился во все тяжкие.

Непомерное честолюбие влекло Констана в Париж, ко двору. Он словно соперничал со своим отцом, который в молодости был ближайшим сподвижником покойного Генриха IV. Констан посвятил молодому королю Людовику XIII несколько скороспелых сочинений и был ласково принят в Версале. В свиту, конечно, не попал, но был вхож во дворец и считался своим в кругу придворной молодежи. Пуская пыль в глаза, Констан сорил деньгами и за короткое время проиграл в двадцать раз больше, чем имел.

Людовик XIII и королева-мать Мария Медичи прекрасно видели, что за птица Констан д'Обинье, но неспроста привлекали его. Приручая птенца, они метили в стареющего орла-гугенота, еще представлявшего опасность для монарха-католика. Духовник короля иезуит Жан Арну склонял Констана к отречению от веры отца, и в 1619 году д'Обинье-младший принял католическое крещение.

Отец еще надеялся, что сына можно спасти. На свои деньги он сформировал полк и предложил Констану командование. Но тот отказался. Тогда отец назначил сына своим наместником в городе Майеэзе, которым управлял и как сеньор, и как губернатор, а сам удалился в другое свое владение — крепость Доньон.

Вскоре верные люди донесли отцу, что Майеэзе превращен в вертеп: повсюду идет крупная игра, открылись бордели, а в самом замке чеканят фальшивые монеты. При этом Констан в письмах версальским

покровителям похвалялся, что все солдаты гарнизона стоят за него горой и в случае необходимости выступят против его отца.

Д'Обинье-старший отправился в Майеэзе один, без оружия, только с кинжалом на поясе. Неожиданное появление настоящего господина привело в смятение изменников, порядок был восстановлен, а Констан ударился в бег.

Тем временем состояние вдовы Моршан было им промотано, и сын начал открытую войну против отца. Набрав отряд из разного сброда, он совершал набеги на отцовские владения. Д'Обинье-старший вынужден был продать Доньон, а вотчину Майеэзе ему помогали защищать зятья.

Сын против отца

Вскоре сбылось мрачное пророчество старика д'Обинье. Несчастливая Жанна Моршан, обобранная мужем до нитки, терпевшая от него постоянные унижения, была им фактически брошена. Она сошлась с молодым человеком, сыном местного адвоката, его звали Лавек де Лалес. И вот однажды Констан д'Обинье неожиданно вернулся в свой дом и застал жену с молодым любовником. Он пришел в такую ярость, что нанес Лалесу тридцать ударов кинжалом. Затем приказал жене:

— На колени, шлюха! Молись!

Не успела несчастная окончить молитву и произнести «аминь!», как муж перерезал ей горло.

Суд оправдал Констана, поскольку факт супружеской измены не вызывал сомнений, а по закону убийство при таких обстоятельствах не считалось преступлением. Так, семейная ссора.

Оставшись без денег, без имения, Констан, поразмыслив, отправился к отцу и разыграл возвращение блудного сына. Старик д'Обинье сказал:

— Я прошу тебя с радостью, но сначала ты должен примириться с Отцом Небесным.

Констан был взбешен. Католическая вера была для него заветным пропуском в Версаль. Он предпочел снова сколотить

шайку негодяев и повел их на отцовский замок Доньон. Констан не знал, что замок уже принадлежит новому хозяину — герцогу де Роану, губернатору провинции. Герцог не стал церемониться и всех упрятал за решетку. Констан полгода просидел в тюрьме Ла-Рошель.

Выйдя на свободу, он снова перевоплотился в раскаявшегося блудного сына и поехал к отцу. Тот уже перебрался в Женеву — оплот европейского протестантизма. Там и состоялось примирение отца и сына. Констан покаяться перед собранием пасторов и даже написал яростные стихи против католиков. Д'Обинье-отец выделил ему часть наследства в деньгах и имуществе.

Теперь Констан решил стать святым Лютера и Кальвина вместе взятых. Он захотел ни много ни мало представлять французских протестантов за границей и просить у англичан помощи для гугенотов непокорной Ла-Рошели. Власти Женевы не доверяли Констану, поэтому не дали рекомендательных писем ни к герцогу Бекингему, ни к английскому королю. Однако в 1627 году Констан все равно поехал в Лондон, где выдавал себя за полномочного представителя своего отца. Англичане также с опаской встретили Констана, однако он вращался в кругу уполномоченных гугенотов-переговорщиков и выведол планы англичан: британская эскадра должна была подойти к острову Ре возле Ла-Рошели, чтобы в случае необходимости поддержать единомышленников.

Констан был оскорблен холодным приемом в Лондоне, поэтому оттуда напрямик направился в Париж, хотя одним из условий примирения с отцом был категорический запрет появляться во французской столице. Всего одну ночь Констан провел в Версале, но успел встретиться с графом де Шомбергом, командующим войсками под Ла-Рошелью, и с самим королем. Констан выдал им всю информацию, которая ему стала известна в Англии.

В Женеве отец расспросил сына о поездке. То ли Констан неосторожно проговорился, то ли сработала разведка гугенотов при дворе короля, но предательство

Поэта Поля Скаррона называли «королем бурлеска». Ему принадлежит первый в истории литературы сатирический роман. Слева: одна из самых влиятельных женщин своего времени — внучка д'Обинье

стало очевидно. Прижатый к стенке, он воскликнул:

— Король давно обещал мне: я заменю тебе потерянного отца!

— Предатели всем внушают омерзение, — ответил старик д'Обинье, — даже своим хозяевам.

Они расстались навсегда. Отец, как всегда, оказался прав: Констан был отвергнут всеми, кроме парижских сводниц и шлюх, которые его содержали еще некоторое время. Вскоре он был арестован в Бордо, за ним числились огромные долги, кроме того, его поездка в Англию теперь расценивалась как государственная измена. Водились за ним и многие другие грехи. В общем, выражаясь современным судебским языком, «по совокупности, путем частичного сложения» его отправили в тюрьму на долгих десять лет.

В тюрьме и колонии

Кому тюрьма, а таким, как Констан д'Обинье, просто мать родная... В тюрьме города Ниора этот узник был на особом положении. Комендант, господин де Кардайак, любил послушать его рассказы о Версале, о придворной жизни. Провинциальная тюрьма — это вам не Бастилия, где вельможи сидят почти в каждой камере. Мало-помалу комендант и д'Обинье начали общаться по-приятельски, де Кардайак даже приводил Констана домой, чтобы жена и дочь тоже могли насладиться его рассказами.

Особенно наслаждалась дочь. Однажды господин де Кардайак нашел бедную Жанну в слезах. Оказалось, наш пострел и тут поспел: соблазнил девицу. Комендант со стражниками ворвался в камеру д'Обинье с намерением тут же проткнуть негодяя шпагой. Констан не растерялся и, раскинув руки, воскликнул:

— Спокойно, я на ней женюсь! Дайте же вас обнять, папаша!

Действительно, 27 декабря 1632 года Жанна де Кардайак и Констан д'Обинье обвенчались. С тех пор Констан нечасто бывал в своей камере — только когда ожидалось посещение тюрьмы посторонними. Тестя нанял для молодоженов небольшой дом на улице Пон, как раз неподалеку от тюрьмы. Там в 1635 году появилась на свет дочь Франсуаза. Хотя впоследствии она всегда говорила с гордостью:

— Я родилась в тюрьме!

Минули три года, которые оказались не худшими в жизни Констана д'Обинье — под надзором тестя-тюремщика он мало пил, совсем не играл и вообще не выходил из дома. Но вот скончался кардинал Ришелье, из тюрьмы выпустили множество

заклоченных. Выпорхнул на волю и Констан. И тотчас начал транжирить приданое второй жены. Вероятно, он бы опять наделал долгов и снова отправился в тюрьму. Но тут о нем вспомнил один из его парижских приятелей.

Пьер Белэн д'Эснамбюк получил назначение в заморские владения Франции — губернатором острова Мартиника. Ему нужен был помощник, но желающих добровольно ехать на край света не нашлось. Д'Эснамбюк подумал, что Констан д'Оби-нье, продувная бестия, мог бы там пригодиться. Так в 1636 году д'Оби-нье с женой и тремя детьми оказались на Мартинике.

Д'Эснамбюк основал там поселение Сен-Пьер, а Констан отправил управляющим на соседний островок Мари-Галант — налаживать жизнь крохотной колонии. На белых поселенцев часто нападали местные индейцы, в укромных бухтах бросали якоря пиратские корабли. Двенадцать лет семья д'Оби-нье жила на острове в бедности и постоянном страхе. Констан пытался насадить на острове плантации сахарного тростника и табака, он знал, что на соседнем Барбадосе эти культуры процветают и рачительные англичане получают огромные прибыли. Но у колонистов, значительная часть которых была преступниками, дела шли из рук вон плохо. (Замечу в скобках, что современное название исправительных учреждений «колония» пришло оттуда, из XVII века, когда Франция, Англия и некоторые другие страны населяли свои заморские владения преимущественно преступниками, и для них это были колонии очень строгого режима — не все колонисты выживали, и совсем мало кто возвращался на родину.)

К тому же Констан не был официальным управляющим, поэтому он решил ехать во Францию хлопотать о должности губернатора своего островка. Видно, хлопоты не увенчались успехом; почти два года Констан жил во Франции, побывал даже в Англии, а умер внезапно в Оранже 31 августа 1647 года.

Так завершились земные мытарства нераскаявшегося блудного сына — Констан д'Оби-нье.

Прекрасная Франсуаза

Получив известие о смерти мужа, его несчастная вдова и дети-сироты на первом же корабле покинули ненавистный остров. В пути с двенадцатилетней Франсуазой произошел невероятный случай: от жары и качки она потеряла сознание и... умерла. Судовой лекарь не обнаружил признаков жизни: мертвенная бледность покрывала лицо, пульс не прощупывался, зеркальце, поднесенное ко рту девочки, оставалось незамутненным. Капитан приказал приготовить похороны, на палубе расстелили парусину, чтобы завернуть тело, припасли и груз... В это время вперёдсмотрящий увидел родные берега и закричал:

— Земля! Вижу Францию!

Франсуаза открыла глаза. Ей показалось, что это ее зовут по имени. Она вскочила на ноги и улыбнулась, как будто ничего страшного и не бывало.

Корабельный священник перекрестил девочку и сказал:

— Просто так оттуда не возвращаются. Тебя ждет великая судьба!

Однако долгие годы госпожа Фортуна не баловала Франсуазу д'Оби-нье. Мать умерла вскоре после возвращения во Францию, дети жили в семьях родственников. Франсуаза взяла к себе тетку — мадам де Вийетт, убежденная гугенотка. Однажды ее посетила дальняя родственница — госпожа де Нейян, подруга королевской матери. Она обратила внимание на девочку-сироту, убедилась тетку, что Франсуаза, для ее же блага, необходимо принять католическую веру.

— Между прочим, — говорила гостя, — сироте и бесприданнице самое место в монастыре, а у вас, протестантов, и монастырей-то нет.

В конце концов Франсуаза стала католичкой и приняла первое причастие. Госпожа де Нейян устроила ее в парижский монастырь урсулинок, что на улице Сен-Жак.

Несколько лет Франсуаза жила в монастыре послушницей. Она превратилась в очень хорошенькую девушку, и это невозможно было скрыть под монашеским платком; смуглый цвет лица и выразительные темные глаза выдавали яркий темперамент девочки.

В монастыре урсулинок жили многие знатные дворянки, их часто посещали родственники. Однажды зашел проводить кузину шевалье де Мере, красавец и галантный кавалер. Кузина познакомила его с Франсуазой, и после этого де Мере зачастил в монастырь. Узнав, что Франсуаза двенадцать лет жила в колониях, шевалье спросил:

— Вы видели индейцев?

— Вот как вас сейчас! — рассмеялась Франсуаза.

— Вы моя прекрасная индианка, — чуть слышно прошептал де Мере.

И в келье еще долго звучали отнюдь не молитвенные шепоты и вздохи.

Но вскоре шевалье подвернулась выгодная партия, и он забыл свою прекрасную индианку. В ту пору считалось, что любая богатая вдова стоит дюжины молоденьких красоток.

Эта тайная любовь долго причиняла сердечную боль юной Франсуазе. Однако имя «Прекрасная индианка», пушенное легкомысленным любовником в свет, закрепилось за Франсуазой до преклонных лет.

А в ту пору она оказалась перед выбором: постричься в монахини или побираться на улицах. Дело в том, что послушница должна была платить монастырю за свое содержание; плату за Франсуазу вносила госпожа де Нейян, а эта дама была довольно скупа. Поэтому она то забираала Франсуазу к себе, думая, что таким образом экономит, то отсылала обратно в монастырь, и тогда жадность душила ее.

В монастыре — невыносимо, приживалкой у родственницы — унижительно, побираться — стыдно. Правда, был еще один выход — выйти замуж, но кто же ее возьмет без приданого? В семнадцатом веке мужчины были весьма расчетливы. Это уже в девятнадцатом столетии сложился миф о романтических героях, вроде шевалье д'Артаньяна. Кстати, реальный Шарль де Бац де Кастельмор д'Артаньян тоже женился на богатой вдовушке.

Бедной Франсуазе впору было подавать объявление в «Ла Газетт»: «Симпатичная бесприданница из приличной семьи без в/п выйдет замуж за француза, способного ее содержать».

В том же доме, где в бельэтаже арендовала апартаменты госпожа де Нейян, снимал небольшую квартиру на первом этаже очень странный господин. Ему было едва за сорок, но выглядел он настоящим стариком. Лицо его было иссечено морщинами, как паутиной — такие следы остаются на лицах людей, которые много смеются или, наоборот, много страдают. Этот человек и много смеялся, и тяжело страдал. Он почти не мог передвигаться, слуга возил его в кресле на колесах; тшедушное тело калеки было скрючено, словно сверху на него давил груз вселенского греха.

Веселый урод

Когда Франсуаза впервые его увидела, она невольно замерла, широко раскрыв свои прекрасные «индейские» глаза. Больной не раз наблюдал такую реакцию, поэтому он лишь рассмеялся и сказал:

— Да, сударыня, не часто встретишь человека в виде буквы «Z»! А ведь в вашем возрасте я был прямой, как заглавная I, потом болезнь согнула меня в букву С, потом скрутила как S. Поскольку я уже добрался до конца алфавита, судьбе остается только распять меня на букве Х, как святого Андрея, и тогда я, наконец, вздохну с облегчением и — в последний раз. Как видите, я, так сказать, живое воплощение французской азбуки, поэтому пописываю иногда всякие пустяки. Меня зовут Поль Скаррон, может, слышали?

Еще бы! Франсуаза читала его «Сборник из нескольких бурлескных стихов» и пародию на поэму Вергилия «Энеида» — «Вергилий наизнанку». Не только она, вся Франция смеялась, читая местами грубоватые, но всегда остроумные сочинения Скаррона. Для него, казалось, не было авторитетов, он издевался над любыми литературными штампами — и над античной классикой, и над новомодной жеманной поэзией.

Как жаль переводить сафьян

На книги с посвящением пышным, — писал он и смеялся над всем, что сегодня называют «пафосным». Его книги были книгами для всех — от королевской матери, которая ценила его остроумие, до простых парижан.

Франсуаза д'Оби-нье иногда навещала Скаррона, между ними установились дружеские отношения. Она глубоко уважала этого мужественного и жизнелюбивого человека. Он жил довольно скромно, на свои литературные гонорары и небольшую правительственную пенсию, но сам предложил Франсуазе деньги на ее содержание в монастыре.

Мало-помалу Скаррон поведал девушке всю свою жизнь. Он родился в 1610 году, его отец был советником Парижского парламента. Советник был очень набожным и так часто цитировал отцов церкви, что его прозвали Скаррон-Апостол. Он и настоял на том, чтобы Поль получил религиозное образование и стал аббатом. Мать умерла рано, отец женился вторично; как водится, мачеха невзлюбила пасынка. Поль постарался поскорее оставить дом отца; ему удалось устроиться в городе Мансе, в канцелярии епископа Шарля де Бомануара. В 1634 году он сопровождал епископа в Рим уже в качестве секретаря, правда, с нищенским окладом. В шутилом сонете он так писал о руинах Вечного города:

Лихого времени вы испытывали когти.

Но если мрамор вас не уберег от ран, Роптать ли мне на то, что скромный мой кафтан,

Два года прослужив, слегка протерся в локте?

В 1636 году по протекции своего еписко-

па Скаррон получил приход в Мансе, а вместе с ним и пребенду — доход с церковных зданий, земель и имущества. Молодой аббат зажил самостоятельно и беззаботно: он посещал светские салоны и празднества дворянской молодежи, бывал на театральных представлениях, водил дружбу с актерами. Рассказывали, что он, переодевшись и изменив внешность с помощью грима, танцевал в балетных спектаклях и играл в комедиях. В общем, это был веселый аббат.

Все окончилось очень печально в 1638 году: острый ревматизм поразил суставы, болезнь прогрессировала, молодой мужчина на глазах превращался в калеку. Это произошло так быстро и неожиданно, что породило множество сплетен. Говорили, что Скаррона лечили от какой-то детской болезни местные эскулапы, вот и залечили. Другие уверяли, что беспутный аббат подхватил дурную болезнь, которую тогда врачевали малыми дозами ртути, и она часто обезображивала пациентов. Самая распространенная версия была такая: Скаррон очень хотел участвовать в предстоящем карнавале и поразить всех оригинальным нарядом, но так, чтобы, не дай бог, в нем не узнали почтенного аббата. Он намазался медом, а потом обвалялся в пухе и перьях. Когда диковинная птица появилась на площади, горожане пришли в восторг, каждому хотелось унести на память хоть одно перышко с этого пернатого чудовища. В общем, Скаррона порядком общипали, как каплуна, он понял, что сейчас его разоблачат совершенно, и перед его прихожанами предстанет голый аббат! Он бросился бежать, толпа, улюлюкая, за ним. На пути оказалось озеро, Скаррон прыгнул в воду и сидел в тине и камышах, пока толпа не разошлась. Вода была очень холодная, аббат простудился и подхватил сильный ревматизм. Эта выдумка была настолько в духе веселого аббата, что ей охотно верили.

Больной Ее Величества

В 1642 году Скаррон похоронил отца. Ему пришлось судиться с мачехой из-за наследства. Старуха изводила пасынка много лет, и Скаррон написал на нее такую эпиграмму:

Вот сущая змея!

Я неизбывной,

Глухой пылаю

ненавистью к ней.

Хотя в водовороте этих дней

Судьба моя собачья препротивна,

Дай, Боже, белый свет подольше зреть,

Чтоб ненавидел я ее и впрямь.

В 1646 году Скаррон решил перебраться в Париж, чтобы полностью посвятить себя литературе. Своему преемнику аббату Жиро он сказал:

— Женитесь мне, что ли, с горя?

Аббат Жиро смутился.

— Откровенно говоря, я не знаю женщины, которая пошла бы за вас. А какую жену вы хотели бы?

Скаррон мечтательно прищурился.

— Найдите мне женщину с такой дурной репутацией, чтобы я мог назвать ее шлюхой и она бы на это не обиделась.

Но и такой невесты для Скаррона в Мансе не нашлось.

В Париже, несмотря на ограниченные физические возможности, поэт свел знакомство с литературной богемой и издателями. Один за другим появлялись в печати его бурлескные стихи и поэмы, его даже прозвали «королем бурлеска». Однако прожить в столице на литературные заработки было невозможно. Все небогатые авторы искали высоких покровителей. Скаррон отправился прямо в Лувр и добился приема у королевской матери Марии Медичи. Он пожаловался на несчастную судьбу, прочитал стихотворные посвящения ей и кардиналу Мазарини — и получил ежегодную пенсию в тысячу ливров. С тех пор, когда его спрашивали, чем он занимается, он отвечал с комичной важностью:

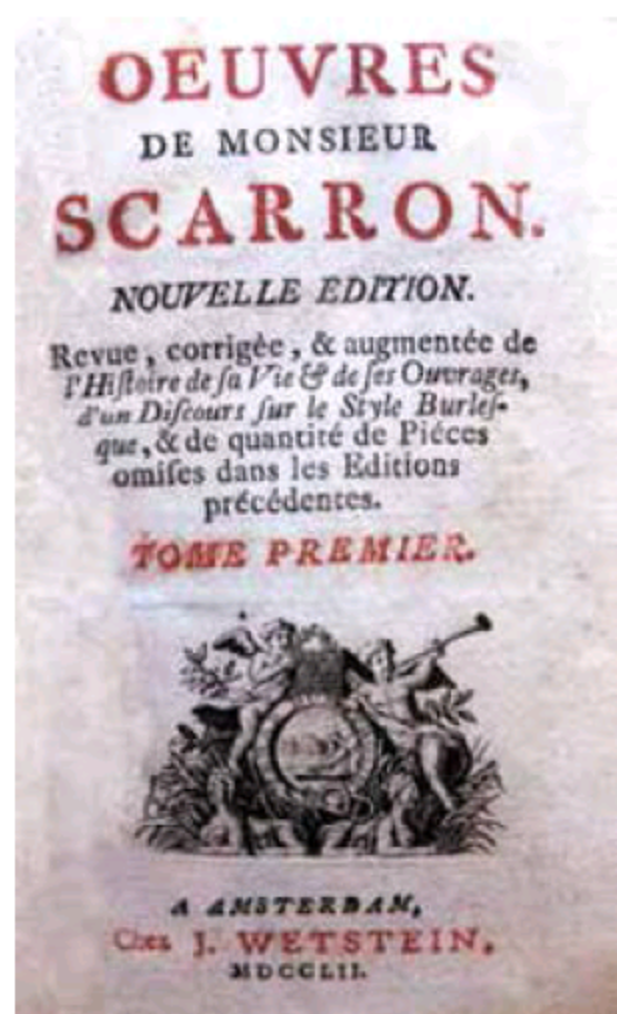
— Я больной Ее Величества!

Тысяча ливров в год — деньги совсем небольшие, но крайне необходимые: ведь Скаррон после смерти отца содержал сестру. У него было доброе сердце, он часто помогал тем, кому, как он полагал, живется хуже, чем ему. Хотя что может быть хуже его горькой доли: Скаррона мучили страшные боли в суставах, гримаса страдания не сходила с лица... Когда боль утихла, он говорил с вымученной улыбкой:

Констан д'Оби-нье посвятил Людовику XIII несколько скороспелых сочинений. Людовик XIII и Мария Медичи понимали, что за птица д'Оби-нье, но привлекали его

Дом, в котором жил и умер Поль Скаррон, и сборник его произведений

— На свете немного найдется людей, пусть даже на галерах, которые осмеливались бы оспаривать у меня печальное звание несчастнейшего в мире человека.

Те, кто видели его лично, рассказывали в великосветских салонах о Скарроне, как о диковинке:

— У него отнялись все члены, кроме языка и еще кое-чего, ну, вы понимаете. С тех пор он сидит в кресле и может двигать только пальцами, в которых держит палочку, чтобы иметь возможность почесываться. Это не мешает ему то и дело отпускать шуточки, хотя боли почти никогда его не покидают; следует, пожалуй, считать чудом нашего века, чтобы человек в подобном состоянии, к тому же еще и бедняк, мог так смеяться, как он.

Красавица и чудовище

В эту пору он и познакомился с Франсуазой д'Обинье. Однажды девушка в очередной раз вернулась из монастыря к родственнице. Скаррон сказал ей:

— Мадемуазель, я не желаю больше давать деньги на то, чтобы упрятывать вас в монастырь!

При этих словах девушка надула губки, на ее глазах выступили слезы. А Скаррон

улыбнулся и продолжил в свойственной ему грубовато-шутливой манере:

— Да погодите, я просто хочу на вас жениться: мои слуги выводят меня из терпения!

Франсуаза улыбнулась:

— Что ж, это немного лучше, чем монашество.

Так в 1652 году 17-летняя Франсуаза д'Обинье стала госпожой Скаррон.

Семья переехала в квартал Марэ, который парижане называли «Приютом Безденежья». Впрочем, Скаррон снял здесь один из лучших особняков. Он решил устроить в своем доме салон, в котором будет принимать всех, кто ценит остроумие, уважает талант, любит истину.

И действительно, скоро завсегдатями салона стали известные поэты, писатели, ученые, военные, даже придворные. Здесь поэт Антуан де Сент-Аман впервые декламировал свою оду «Арион»:

Когда до берега дельфин домчал поэта,
Счастливый Арион принес богам обеты —
И видит: стаи рыб, мелькая там и тут,
За голосом его божественным плывут...

Здесь придворный поэт Франсуа Лермит по прозвищу Тристан Отшельник читал свои трагедии и стихи.

Другой придворный поэт Исаак де Бенсерад знакомил со своими вариациями на тему «Метаморфоз» Овидия и басен Эзопа.

Знаменитый поэт Франсуа де Буаробер рассказывал собравшимся, как он служил

секретарем у покойного кардинала Ришелье, и читал свои озорные сказки, которые не решился бы исполнить в любом другом месте.

Виконт де Тюренн, ставший маршалом Франции в тридцать три года, рассказывал собравшимся, как начинал воевать простым солдатом.

Бывала здесь и Нинон де Ланкло, знаменитая куртизанка, ставшая писательницей и хозяйкой литературного салона. Для юной Франсуазы Скаррон она сделала образцом независимой, образованной женщины.

Но, конечно, в центре внимания всегда был хозяин салона Поль Скаррон, его шуток

ждали, его новые стихи и эпиграммы встречали аплодисментами. Но он всегда умел вовремя уйти в тень, предоставляя блистать Франсуазе. «Маленький Скаррон», как его называли за глаза, добился своего — с напускным цинизмом он говорил друзьям:

— Я женился на Франсуазе, чтобы видеть людей; иначе кто бы стал навещать несчастного калеку!

Он принимал в своем салоне даже тех, кого опасно было принимать. Когда началась Фронда — противостояние между Парижским парламентом и кардиналом Мазарини, — Скаррон приглашал на свои вечера коадьюнктора (исполняющего обязанности епископа) де Гонди, впоследствии кардинала Реца, а тогда — одного из лидеров фрондеров. Скаррон очень уважал этого человека и, бывало, говорил ему:

— Сидите спокойно, сейчас я буду вас хвалить.

Он поддерживал Фронду и ругал кардинала. Это Скаррон первым начал сочинять сатирические «мазарины», которые превратились потом в распространенный боевой жанр; «мазарины» распространялись тысячами экземпляров печатных и рукописных «летучих листов».

О Ришелье, мудрец примерный!

Он говорил стране своей,

Что если он правитель скверный,

Придет другой — еще скверней.

В наследники по сей причине

Себе он выбрал Мазарини.

Очень скоро сатирик поплатился за это — его лишили пенсии, как говорится, без объяснения причин. Но он не отказался от довольно дорогого жилья, а только стал работать с еще большей интенсивностью — из-под его пера в последнее десятилетие вышли веселые новеллы, комедии и, наконец, «Комический роман» — первый в истории литературы сатирический роман.

К счастью, вскоре суперинтендант финансов Фуке, человек с чувством юмора (редкость среди министров финансов!), назначил Скаррону собственную пенсию, даже больше королевской — полторы тысячи ливров.

Отношения Франсуазы и Скаррона напоминали сказку «Красавица и чудовище», однако в жизни чуда не произошло, несчастный больной не превратился в здорового красавца. Но молодая жена скрасила последние восемь лет жизни трагического шута, согрела его полумертвое тело теплом истинной любви. Франсуаза никому не говорила о своем отношении к мужу, но все бывали тронуты, когда она, чтобы говорить с ним, глядя в глаза, опускалась на колени.

Но и Скаррон щедро одарил свою жену: он ввел ее в общество, научил быть хозяйкой салона и держаться со всеми с достоинством и на равных. Это дорогого стоит.

Незадолго перед концом поэт сам сочинил себе эпитафию:

Нет, я не зависть, путник милый,

Я в людях жалость пробуждал:

Еще задолго до могилы

Сто раз на дню я умирал.

Оставь места сии глухие

И больше не тревожь мой сон:

Настала ночь, когда впервые

Спокойно спит поэт Скаррон.

И вот друзья собрались у постели умирающего поэта. Впервые эти стены слышали не смех, а рыдания. Скаррон сказал:

— Дорогие мои, вам никогда не заплакать надо мной столько, сколько вы смеялись благодаря мне.

Шестого октября 1660 года его не стало.

Так Франсуаза сделала вдовой Скаррон и снова оказалась без денег, без дома, без семьи...

Однако впереди ее ждало главное приключение жизни: внучке неистового д'Обинье предстояло стать некоронованной королевой Франции. Но это уже другая история.

Фото из архива автора

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2019 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542

3 міс. - 63,54 грн

6 міс. - 127,08 грн

12 міс. - 245,15 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257

3 міс. - 36,87 грн

6 міс. - 73,74 грн

12 міс. - 147,48 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056

3 міс. - 30,59 грн

6 міс. - 61,18 грн

12 міс. - 122,37 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104

3 міс. - 32,95 грн

6 міс. - 65,89 грн

12 міс. - 131,78 грн

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість

передплата

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можна оформити за тел.: (044) 207-97-25, або на сайті market.umh.ua

Великие неполучанты

Виктория ПЕШКОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Дмитрий Менделеев, Александр Попов, Лев Толстой, Антон Чехов — помимо мощи и глубины отпущенного им дарования, этих людей объединяет то обстоятельство, что ни один из них не стал... лауреатом Нобелевской премии. Хотя все основания претендовать на нее у каждого из них были. Неужели нобелевские комитеты на заре своего существования намеренно игнорировали достижения выдающихся деятелей российской науки и культуры? Или причина в другом? О больших и маленьких секретах нобелистики лучше всего может рассказать человек, который не просто ввел в обиход это понятие, но знает о нобелевском движении, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было другой в нашем Отечестве: историк науки, доктор геолого-минералогических наук АБРАМ БЛОХ занимается им не один десяток лет.

Перед Альфредом Нобелем человечество должно снять шляпу. Несмотря на все споры, которые в последнее время ведутся вокруг основанного по его завещанию фонда, механизма номинирования на премии и критериев оценки достижений, за которые они присуждаются, Нобелевская премия была и остается единственной в своем роде и через сто лет не утратит своего значения. При всей сложности выбора учреждениям-наделителям до сих пор удается сохранить в принятии решений независимость. Разумеется, члены нобелевских комитетов не застрахованы от ошибок, но ошибки эти, подчас весьма досадные, всегда были не их собственными, чисто человеческими ошибками, а «спровоцированными» некими внешними силами или обстоятельствами.

Доступ к рассекреченным архивам Шведской королевской академии наук, Каролинского института и Шведской академии в Стокгольме Абрамом Блохом был получен благодаря любезному содействию тогдашнего исполнительного директора Нобелевского фонда Михаэля Сульмана. Параллельно с этим им велись разыскания в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Центре хранения современной документации (ЦХСД), а также в архивах внешней политики Российской империи и СССР (АВП РИ и АВП РФ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и других архивах.

Взаимоотношения между российской властью и Нобелевским фондом долгое время складывались очень непросто: и в царствование Николая I, и в годы советской власти решающую роль в них играла политика.

За Чехова обидно?

Особенно ярко антинобелевские настроения проявились в конце 40-х годов. Команда к тотальной дискредитации деятельности нобелевских комитетов была дана еще в 1948-м, став прологом к начатой в 1949 году кампании борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом, которую трудно было бы вести, не прибегая к откровенной дезинформации, в том числе и в вопросах приоритета выдающихся достижений научной мысли. Нобелевские комитеты обвинялись в предвзятости, ставя им в вину тот факт, что ни Менделеев, ни Попов, ни Толстой, ни Горький не были удостоены премии. «Обижались» даже за Антона Павловича Чехова, хотя его кандидатуру никто никогда организациям-наделителям не подавал и не представлял.

Для поддержания антинобелевских настроений власти не брезговали искажением фактов, даже когда речь шла об ученых, премию получивших: утверждали,

Почему ни один из величайших русских ученых и мыслителей, достойных получить Нобелевскую премию, не был выдвинут своими соотечественниками

Стокгольм. Церемония вручения Нобелевской премии

что кандидатура академика Павлова прошла «с опозданием» на три года. На самом деле Иван Петрович получил премию вполне своевременно. Ученые, «опередившие» великого русского физиолога, решали насущнейшие проблемы тогдашней медицины. Лауреат 1901 года Эмиль Беринг разработал противодифтерийную антитоксическую сыворотку. Роналд Росс, удостоенный ее в 1902-м, заложил основы борьбы с малярией, а Нильс Финзен получил премию в 1903-м за весьма эффективные методы светолечения. Роберт Кох, работавший над проблемой борьбы с туберкулезом, на том же основании мог бы стать лауреатом вместо Павлова в 1904 году. Но профессор Каролинского института, решавшие судьбу премии, присудили ее русскому физиологу, хотя его открытия носили фундаментальный характер, решали проблемы завтрашнего дня. А Кох «ждал своей очереди» еще год.

Жертвы «эпохи Вирсена»

Идея присудить Толстому Нобелевскую премию мира витала в воздухе еще тогда, когда не была подтверждена юридическая сила завещания Нобеля, не говоря уже о том, что не существовало законодательно утвержденного положения о Нобелевском фонде. В 1897 году, спустя год после смерти Нобеля, в шведской прессе уже вовсю обсуждались версии о том, кто наиболее достоин этой награды: ходили слухи, что стортинг Норвегии уже начал обсуждать возможные кандидатуры и Толстой являлся главным претендентом. Когда эти сведения дошли до Льва Николаевича, он обратился с письмом в газету «Стокгольм Тагблатт», в котором утверждал, что «условия завещания Нобеля по отношению лиц, наиболее послуживших делу мира, весьма трудно исполнимы. Люди, действительно служащие делу мира, служат ему потому, что служат Богу, и потому не нуждаются в денежном награждении и не примут его». По мнению писателя, выделенные на премию средства должны были быть переданы

бедствующим семьям кавказских духов, оставшимся без кормильцев, поскольку те оказались за тюремной решеткой из-за отказа идти в армию.

Несколько позже, но тоже до официального учреждения премии мира, в качестве реального претендента газеты называли художника Василия Верещагина. И вполне заслуженно: в отличие от подавляющего большинства художников-баталистов он не только наблюдал за ходом боевых действий, но и принимал участие в сражениях, несколько раз был ранен. Ужасы войны он знал не понаслышке и, по собственному признанию, «слишком близко принимал к сердцу то, что писал, выплакивал буквально горе каждого раненого и убитого». Потому и считал себя вполне достойным награды и даже предпринял какие-то действия для продвижения своей кандидатуры.

Никаких официальных сведений о номинировании Верещагина в архивах Норвежского Нобелевского комитета мира обнаружено не было, хотя Берта фон

Зуттнер, лауреат 1905 года, уже после гибели художника (в 1904-м при взрыве броненосца «Петропавловск» под Порт-Артуром) писала, что после его выставки в Христиании один из авторитетных номинаторов этого комитета ежегодно, вплоть до кончины, номинировал художника. В книжном фонде Нобелевского института имеется три прижизненных каталога произведений художника.

Кандидатура Толстого рассматривалась Шведской королевской академией и в связи с номинациями на премию по литературе. Присуждение первой премии Льву Николаевичу задавало бы очень высокую планку. Однако в 1901 году первым лауреатом стал малоизвестный французский поэт-лирик Сюлли-Прюдом. Такой выбор академии вызвал бурю протестов. Сорок два известных шведских писателя, в том числе Август Стриндберг и будущий нобелевский лауреат Сельма Лагерлеф, написали Толстому письмо, в котором высказывали свое несогласие с решением коми-

тета. Но претензии в адрес Шведской королевской академии на самом деле были абсолютно безосновательны. Среди двадцати пяти писателей, номинированных в том году на премию, фамилии Толстого не было, и комитет при всем желании не мог рассматривать его кандидатуру.

В 1902 году «ошибку» исправили: Толстого выдвинули сразу трое французских номинаторов, среди которых был член Французской академии, драматург и писатель Леон Галев. Он оказался самым преданным поклонником таланта писателя, с завидным постоянством выдвигая его кандидатуру с 1902 по 1906 год.

Почему же Лев Николаевич премию так и не получил? Архивы Нобелевского комитета открыли правду: все дело было в критериях выбора. В то время система рассмотрения кандидатур определялась достаточно консервативными взглядами постоянного секретаря Шведской королевской академии и председателя Нобелевского комитета Карла Давида Вирсена. Первое десятилетие деятельности комитета даже называют «эпохой Вирсена». По его мнению, премии заслуживал тот, кто следовал в своем творчестве принципам «высокого и здорового идеализма». В 1902 году заключение комитета, подтверждавшее, что «сравнительно легко отдать пальму литературного первенства этому великому русскому писателю», было достаточно жестким: «Воскресенье» порождает «чувство нравственного негодования», «Власть тьмы» ужасает «зловещими натуралистическими картинами», «Крейцера соната» проповедует «негативный аскетизм» и далее в том же духе.

В 1905-м, когда писателя выдвинули двадцать один номинатор из Франции, Норвегии и Финляндии, вердикт был еще более беспощадным: «При всем восхищении многими произведениями

Толстого следует задать вопрос — насколько, в сущности, здоров идеализм писателя, когда в его особенно велико-лепном произведении «Война и мир» слепой случай играет столь значительную роль в известных исторических событиях, когда в «Крейцеровой сонате» осуждается близость между супругами и когда во многих его произведениях отвергается не только Церковь, но и государство, даже право на частную собственность, которой сам он столь непоследовательно пользуется, оспаривается право народа и индивидуума на самозащиту».

Однако упрекнуть комитет в предвзятости по отношению именно к Толстому нельзя. В 1901 году шведские академики дружно отклонили кандидатуру Эмиля Золя, позже — Генрика Ибсена. Так что не только творчество Льва Николаевича не умещалось в прокрустово ложе «здорового идеализма».

Неблагодарные соотечественники

Но интересно другое: за все время, что кандидатура писателя фигурировала в номинациях, среди номинаторов не было ни одного его соотечественника, если, конечно, не считать таковыми членов Академического общества Финляндии, формально являвшихся подданными Российской империи, которые выдвинули русского писателя на премию 1905 года. Больше никто из россиян не был зафиксирован в регистрационных журналах комитета. В том числе и почетный академик А.Ф. Кони, участвовавший в кампании выдвижения кандидатуры Толстого на Нобелевскую премию 1906 года.

Это вообще любопытная история. Готовя свои воспоминания о Толстом, Александр Федорович поместил в них эпизод с обсуждением на заседании Раздела изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук кандидатуры писателя в качестве номинанта на Нобелевскую премию. Однако в изданном тексте воспоминаний такого эпизода нет: при редактировании рукописи (ныне она хранится в архиве Института русской литературы РАН) автор предпочел его исключить. И вот почему. Ради соответствия уставу Нобелевского фонда, требовавшего, чтобы выдвигались произведения, опубликованные в предыдущем году, решено было номинировать Толстого не за художественное произведение, каковых в 1905-м у него опубликовано не было, а за статью «Великий грех», посвященную проблемам крестьянского землепользования. Но академики обсуждали этот вопрос почти три месяца и приняли решение только 20 (7 по ст. ст.) января 1906 года, за десять дней до прекращения приема номинаций на данный год. Потом номинацию надо было перевести на французский язык и подготовить к отправке. Русский бюрократизм сделал свое дело: документы были направлены в Стокгольм лишь 1 февраля и, разумеется, опоздали. Кони, видимо, узнал об этом и решил не включать сей досадный эпизод в предназначенный для печати текст воспоминаний.

Любопытно, что в 1902 году в списке номинантов с подачи одного из ярых поклонников его творчества, получившего от академии предложение прислать номинацию, появилось имя самого Александра Федоровича Кони. Протокол комитета свидетельствует, что видный русский судебный деятель и биограф был представлен профессором Александровской военно-юридической академии А.К. Вульффертом за книгу «Доктор Фридрих Гааз. Очерк жизни немецкого филантропа в России».

Кто не успел

В начале 1949 года предполагалось провести всесоюзное совещание заведующих кафедрами физики университетов и вузов. Открывать его должен был доклад президента АН СССР Сергея Ивановича Вавилова «Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков». Заседание почему-то отменили, но текст доклада сохранился и даже дважды публиковался после смерти ученого. Что интересно: во второй публикации пламенный пассаж по поводу того, что великий русский физик Александр Попов, в отличие от его итальянского коллеги Гульельмо Маркони, так и не был удостоен Нобелевской премии за открытие беспроволочной связи, был исключен. Составители сборника, который посвящался 75-летию С.И. Вавилова, прекрасно понимали, что доводы ученого не соответствовали истинному положению вещей.

Попов и Маркони действительно имели равные права на награду. В 1900 году они оба были удостоены Большой золотой медали на Всемирной выставке в Париже. Нобелевскую же премию получил один Маркони. Произошло это в 1909 году, почти через четыре года после кончины Попова. Сергей Иванович не мог не знать о том, что по уставу Нобелевского фонда номинировать ушедших из жизни ученых нельзя. Пойти на заведомое искажение фактов он мог только из опасения повторить трагическую судьбу родного брата — великого генетика Николая Ивановича Вавилова.

Но, может, упрек Вавилова все-таки справедлив: почему авторы столь полезно для человечества изобретения не получили награду раньше, при жизни Попова? Причина проста: выдающегося изобретателя никто не удосужился номинировать, в том числе и его соотечественники, которые предпочли «забыть» о его открытии, хотя он его им неоднократно демонстрировал. А вот Маркони выдвигался на Нобелевскую премию с самого начала работы Нобелевского комитета по физике, при этом трижды при жизни Попова — в 1901, 1902 и 1903 годах. Пресса об этом писала неоднократно, но ни один русский физик не задался вопросом, почему в формулировке номинации беспроволочный телеграф носит имя только одного из своих создателей, а не обоих, и не обратился в Нобелевский комитет с предложением исправить ошибку. Так что вины комитета в том, что Попов не был удостоен Нобелевской премии, все-таки нет.

Но как прихотливо порой переплетаются человеческие судьбы. Сергей Иванович Вавилов не получил вполне заслуженную им Нобелевскую премию по той же причине, что и Александр Степанович Попов: он не дожид до момента номинации. Ученый скончался в 1951-м, а И.Тамм, И.Франк и ученик Вавилова П.Черенков получили награду в 58-м за объяснение явления (открытого при жизни Вавилова), которое дает возможность измерить скорость, энергию и заряд быстрых элементарных частиц и в специальной литературе именуется эффектом Вавилова-Черенкова.

Прецедентов не создавать!

Не повезло с Нобелевской премией и Дмитрию Ивановичу Менделееву. Уж казалось бы, кто более достоин такой награды в области химии, как не создатель Периодической системы! Ученого номинировали трижды: в 1905, 1906 и 1907 годах, но и среди его номинаторов не было ни одного русского ученого! Что неудивительно: члены Императорской академии наук неоднократно отвергали его кандидатуру на очередных выборах, так что, являясь членом многих зарубежных академий и ученых обществ, Дмитрий Иванович так и

не стал академиком в своем Отечестве.

Однако Нобелевскую премию он не получил по иной причине. Первые тридцать лет организации-наделители твердо соблюдали условие новизны открытия, претендующего на премию. А свою систему Менделеев создал к 1869 году. И все-таки в 1905-м трое номинаторов предложили его кандидатуру, исходя из того, что в предыдущем (1904) году сразу две премии были получены благодаря системе Менделеева: награду по физике получил Джон Уильям Стретт (лорд Рэлей), а по химии — Уильям Рамзай. Оба — за открытие и исследования совершенно новой группы химических элементов — инертных газов, которым тоже нашлось место в гениальной таблице русского ученого. Фактически они подтвердили универсальность закономерностей, открытых за тридцать пять лет до того. А в уставе Нобелевского фонда есть параграф, согласно которому сделанные ранее открытия могут номинироваться, если их значимость подтвердилась последовавшими новыми открытиями, чем и воспользовались номинаторы.

Но в 1905-м премию получил немецкий химик фон Байер, выдвигавшийся пятый год подряд (а Менделеев впервые) и имевший больше заявок от номинаторов. В 1906-м она досталась французскому Муассану, который тоже выдвигался на премию с начала ее существования и по числу рекомендаций превосходил своего соперника, да еще и среди его номинаторов оказалось сразу три нобелевских лауреата прошлых лет, в том числе и его предшественник, фон Байер. Он, кстати, выдвинул кандидатуру Менделеева в следующем году, но в феврале 1907-го русского ученого не стало.

В первый же раз, когда на заседании Нобелевского комитета обсуждалась кандидатура Менделеева, его председатель Отто Петерссон выразился очень ясно: «Не следует бояться, что за присуждением ему премии последуют рутинные присуждения за старые работы. Открытие Менделеева занимает особое место в истории науки и никогда не станет поводом для подобных злоупотреблений». В следующем году он был столь же категоричен, но, видимо, страх создать нежелательный прецедент (какая тогда выстроилась бы очередь за премией!) оказался сильнее. Так сложилось, что протоколы заседаний организаций-наделителей, на которых обсуждаются кандидатуры номинантов, не ведутся. Установить, какие именно аргументы выдвигались против Менделеева, не представляется возможным. От правила награждать только новые открытия Шведская королевская академия откажется только во второй половине тридцатых годов прошлого столетия.

По воле монарха

Итак, обнаруживается странная тенденция: ни один из величайших русских ученых и мыслителей, достойных получить Нобелевскую премию, не был выдвинут своими соотечественниками. Неужели русская наука рубежа позапрошлого и прошлого веков так была полна завистниками? Или члены нобелевских комитетов не предоставили своим русским коллегам права выдвигать из своей среды достойнейших? Как оказалось, ни то, ни другое.

14 (27 по ст. ст.) октября 1900 года «Новости и Биржевая газета» сообщила о завещании Нобеля. Ни «Московские ведомости», ни «Новое время», выходившие гораздо большими тиражами, об этом не обмолвились ни словом. И что более интересно: заинтересованным лицам предлагалось обращаться за более подробной информацией не в Императорскую Санкт-Петербургскую

академию наук, что было бы более чем логично, а в... военно-морской ученый отдел при Главном морском штабе!

Впервые полный текст устава фонда на русском языке появился в сборнике Института инженеров путей сообщения. И только в 1902 году. Штаб русской науки всячески уклонялся от участия в номинировании претендентов на весьма многообещающую международную награду. Члены Отделения русского языка и словесности, которым Нобелевский комитет по литературе предоставил право ежегодного выдвижения своих кандидатов, вообще узнали об этом только осенью 1905 года: присылавшиеся Шведской королевской академией циркуляры пропадали в долгих ящиках канцелярий и до них просто не доходили.

Ответ на вопрос, почему Императорская академия наук избрала такую странную линию поведения, требует тщательных архивных разысканий, но некоторые предположения можно выдвинуть уже сейчас. Все упирается, как нетрудно догадаться, в политику. Согласно уставу Нобелевского фонда, университетам Гельсингфорса, Уппсалы и Лунда в Швеции, Христиании в Норвегии и Копенгагена в Дании были предоставлены особые привилегии. Профессора этих учебных заведений получили постоянное право выдвигать своих кандидатов на премии по разделам науки. Тогда как их коллеги из других, зачастую более престижных европейских университетов могли предлагать номинантов, только когда получали специальное приглашение от соответствующего Нобелевского комитета. Но дело, разумеется, не в том, что ученые Петербурга и Москвы почувствовали себя ущемленными: в том же 1900-м, когда утверждался устав Нобелевского фонда, Российская империя была занята русификацией Финляндии.

Сначала вышел царский манифест от 7 (20 по ст. ст.) июня «О введении русского языка в делопроизводство некоторых административных присутственных мест Великого Княжества Финляндского», вызвавший естественное негодование и местных властей, и населения вверенного русской короне княжества. За ним последовало Высочайшее постановление «О публичных собраниях в Великом Княжестве Финляндском», согласно которому «публичные собрания, устраиваемые отдельными лицами или обществами с целью обсуждения общественных, научных, экономических или иных вопросов... могут происходить только с разрешения генерал-губернатора».

Амбиции представителей Российского императорского дома были чрезвычайно высоки. Можно предположить, что Великий князь Константин Константинович не мог допустить, чтобы какие-то профессора, пусть и с окрайны империи, имели право что-то обсуждать не по воле правящего монарха, а почившего в бозе филантропа. Не исключено, что именно по этой причине и шведское правительство, и нобелевские учреждения были заподозрены в чрезмерном вольнолюбии, за что и впали в немилость. Повезло только медикам и физиологам: русские номинаторы, активно участвовавшие в выдвижении кандидатур на премию по этому разделу, обязательно являлись профессорами Военно-медицинской академии, Института экспериментальной медицины и университетов, административно не подчинявшихся академии.

С приходом к власти большевиков взаимоотношения России с Нобелевским фондом не стали яснее и проще. Закулисные интриги, дипломатические курьезы, политические ошибки советских бонз заслуживают отдельной публикации.

Так что продолжение следует! ■

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№7 (160) от 16.07.2019
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ
КВ № 18953-7743 ПР
выдано Гос. регистрационной службой Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы материалы международного ежемесячника «Совершенно секретно»

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.

Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.

©«Совершенно секретно-Украина», 2019

Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №71442

№ 7/362
ИЮЛЬ 2019

НОВЫЙ МИРОВОЙ БЕСПОРЯДОК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСНОВАТЕЛИ ЮЛИАН СЕ

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

ПОЛИТИКА 6
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА 27
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА 23

БУФЕРНАЯ ЗОНА
ГРУЗИЯ-РОССИЯ

ГРУППОМЫСЛИЕ

ISSN 2075-7522
9 772075 752009

уже В ПРОДАЖЕ

В ИЮЛЬСКОМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

- ПЯТЬ ПРОГНОЗОВ НА ВЫБОРЫ
- ЗЕЛЕНСКИЙ, ЕГО КОМАНДА И ЭКОНОМИКА УКРАИНЫ
- КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ ХРУПКОСТЬ ГОСУДАРСТВА
- ДОКЛАД BELLINGCAT О МН17

Свідоство про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ
и другие эксперименты

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты истории»

СЛУХАЙ, ЩОБ ЗНАТИ

ГОЛОС
СТОЛИЦІ 106^{FM}